

Магия в крови

Автор:

Илья Новак

Магия в крови

Илья Новак

Аквадор: Герои уничтоженных империй #2

Теплая, Холодная, Механическая и Мертвая магия сошлись в последней битве.

Их четверо – верховных магов, управляющих Магическими Цехами. Один отправился в далекие земли, чтобы спрятать великую Корону Мира, а второй преследует его, чтобы завладеть Коронай и возродить Империю. Третий пытается пробиться в недра горы, где находится таинственное заклинание, способное изменить судьбу Аквадора, но четвертый хочет помешать ему... ведь каждый жаждет власти и не желает делиться ею ни с кем.

Однако кроме хозяев колдовских гильдий есть и другие люди, быть может, не столь могущественные, но так же стремящиеся к своей цели. Бывший лесоруб, ныне – истребитель чудовищ, бывший слуга мага, ныне – вор и убийца... Гном, спасающий свой народ от полного уничтожения, капитан страшного корабля-призрака, воин из северного клана, пес-демон, дочь аркмастера гильдии оружейников, пытающаяся спасти себя и своего умирающего отца... И все они – Герои Уничтоженной Империи.

Илья Новак

Магия в крови

ПРОЛОГ

Мертвую подземную тишину нарушил скрежет когтей о камни. По наклонной галерее быстро ползло крупное существо. Верхом на нем, сжимая ногами покрытые коротким черным мехом бока, восседала высокая женщина с факелом в руках.

В застывшем воздухе факел горел неровно и тускло. Женщина подняла его, чтобы видеть трех вооруженных кирками зомби. Получив приказ исследовать пещеры, она набрала отряд сообразно заданию. Казалось бы – что могло угрожать тем, кто и так давно мертв? Однако некоторые экспедиции не возвращались. Одному Праху известно, почему это случалось, с какими тварями пришлось столкнуться разведчикам. Подданные Проклятого не были старожилами подземелий; обосновавшись здесь, они обнаружили гигантские комплексы, хозяева которых давно сгинули во тьме веков, – но ведь кто-то из древних обитателей мог и остаться. Поэтому для защиты от неведомой опасности в отряде, кроме сильных, медлительных и неповоротливых зомби, были еще мумии с копьями, скелеты, вооруженные короткими мечами и небольшими круглыми щитами.

Мощные передние конечности ползущего существа завершались вывернутыми наружу широкими ладонями, которыми оно легко разрывало землю перед собой. Кривые когти, способные дробить камень, все же не могли совладать со сплошной скальной породой. Подобная преграда и встала сейчас на пути отряда.

Капитан остановила кротолака. Кирки уже стучали вовсю, по проходу разлетались каменные осколки. Зомби работали медленно, зато без отдыха.

Повелитель проклятых рассылал поисковые отряды во все концы подземелий. Его племя обитало на небольшой глубине, ниже располагались старые катакомбы и заброшенные штольни. То, что искал Проклятый, могло находиться где угодно. В течение долгих лет экспедиции вгрызались в камень, пробивая новые ходы, – но мрак пещер надежно хранил вожака целю. Проклятый гневался.

Придерживая ножны, капитан спешила. Кротолак взглянул на нее маленькими черными глазками и фыркнул. Ушей у него не было, в приоткрытой пасти виднелись тупые клыки.

Изначально племя Проклятого делилось на две группы. К первой относились безмолвные – зомби, мумии и скелеты. Неспособные говорить, они могли лишь слепо исполнять простейшие приказы. Вторая группа – мертвые маги, личи. Эти создания обладали чувствами, которые вдохнул в них повелитель. По сравнению с безмолвными их было немного, они составляли руководящую касту.

Позже разными путями к племени присоединились вампиры, оборотни и лишенные плоти духи. В отличие от безмолвных они обладали настоящим разумом, а не примитивными инстинктами.

Сознание капитана надежно окутывала серая пелена. Она гасила яркие краски и громкие звуки, притупляла чувства, охлаждала разум. Заклятье, которое превратило повелителя в Проклятого, затронуло и всех его подданных, все подземное племя. Несмотря на это, капитан пока сохраняла часть своих прежних умений и оставалась чаром – то есть владела магией.

Участок стены просел. Еще удар – и кирка провалилась в пустоту. Камни посыпались по склону, который начинался за тупиком. Равномерно взмахивая кирками, зомби продолжали расширять проход.

– Хватит.

Рабочие остановились. Капитан прошла между ними, заглянула в проем и нахмурилась. В глубине открывшегося пространства плясал багровый свет.

Ее кто-то толкнул сзади. Шагнув в сторону, она оглянулась. Не дожидаясь приказа, кротолак протиснулся в расселину и пополз вниз. Капитан решила не возражать. Наличие разума имело свой недостаток: оборотни часто проявляли непослушание.

– Возьмите факелы, – велела она.

Дождавшись, когда отряд пройдет в отверстие, женщина двинулась следом. Она не собиралась рисковать собой, пусть лучше впереди идут безмолвные.

Свет стал ярче, вместе с ним в широкий проход проникли гул и шипение. Факелы замерцали, капитан почувствовала сильный ток горячего воздуха снизу. Там

будто что-то плеснулось, тут же гул усилился, багровый свет стал ярче, и все затряслось.

– Эй, Та€лпа! – начала она. – Погоди...

Склон внезапно осыпался. Камни, подпрыгивая и стуча, покатались вниз, увлекая за собой тела безмолвных. Капитан оступилась, факел вылетел из рук. Несколько долгих мгновений она падала вместе с небольшой лавиной навстречу свету, который вскоре стал невыносимо ярким, обжигающим. Накрывающая рассудок пелена проклятия не позволяла в полной мере ощущать все, что способен чувствовать обычный человек, но ожог оказался так силен, что она взвизгнула. Вскочила, щурясь, и сквозь густые потоки пара увидела, что стоит в огненном озере, наполняющем каменную чашу пещеры. Плотная субстанция, раскаленная кровь земли, лениво закручивалась вокруг ног, вспухала пузырями. Сапоги уже плавилась, теряя форму, материя штанов горела, кожа под ней лопалась.

Закричав от боли, пробившейся в сознание сквозь защиту проклятия, капитан попятилась. Впереди зомби и скелеты падали под ударами обитателей лавового озера. Кротолак Талпа обрел человеческие черты. Единственный из всех он пытался сражаться, хотя языки пламени уже плясали на покрытом короткой шерстью теле. Талпа сумел опрокинуть одного противника, когда второй обрушил на его голову раскаленную каменную глыбу. Еще несколько существ, плохо различимых в дрожащих струях жаркого воздуха, двигались к капитану.

Она слышала легенды, но никогда не думала, что эти твари и вправду обитают здесь. Отряд спустился слишком глубоко, не следовало открывать проход в нижний уровень подземелий.

Широко размахнувшись, капитан швырнула короткий меч подобно копьё. Он вонзился в массивную голову ближайшего создания. Из лба того брызнул фонтан огня, в считанные мгновения металл раскалился, и оружие, превратившись в ярко-оранжевую полосу, изогнулось под собственным весом. Полыхнуло таким жаром, что капитану показалось, будто ее кожа стала сухой и ломкой, как старый пергамент. Она выпрыгнула из озера на склон и, шипя от боли, поползла по камням. Позади плавилась мертвая плоть, сгорали кости: безмолвные исчезали, растворяясь в лаве.

Капитан сумела добраться до отверстия, на четвереньках преодолела его и уже в галерее попыталась встать.

Она лишилась ног: покрытые струпьями культы с навсегда въевшимися в них остатками сапог и обугленной материи не смогла бы восстановить даже магия Проклятого.

Но окутывающая сознание пелена позволила сделать то, на что не способен ни один человек. Спустя долгое время капитан добралась до лагеря, от которого началась экспедиция. Еще через день ее, к тому времени обезумевшую, принесли к Проклятому. То рыдая, то смеясь, капитан рассказала ему, что произошло.

Два пограничных лагеря были уже разгромлены и сожжены. Лавовое племя поняло, что поселившиеся над ними также претендуют на подземный мир. Древние обитатели нижних уровней решили, что необходимо уничтожить соперников, а заодно расширить свои владения, – и стали подниматься.

Примерно в это время под давлением пришедшей извне силы и началось необратимое изменение мира.

Часть первая

ГОРЫ МАННЫ: КРОВЬ ТРАВЫ

Глава 1

– Без моей магии ты бы сдох, как собака под забором.

Не открывая глаз, он пошевелился, отстраненно наблюдая за разноцветными кругами, которые плавали под веками.

– Кишки в порядке, ну, поболит живот еще чуток – перетерпишь. На спине шрам остался, но это ничего.

Голос звучал совсем рядом, одновременно и покровительственно и настороженно.

– Ты открой, открой глаза-то.

Дук Жиото повиновался. Сидящий на краю лежанки мужчина прижал палец к коже под его левым глазом, оттянул книзу веко и склонился над больным.

– Зеницы желтые еще, – заметил он, выпрямляясь. – Это от трав. Сесть сможешь? Ну-ка, попробуй.

Упираясь локтями, Дук приподнялся. В животе закололо, и он упал обратно на подушки.

– Брюхо ноет? – спросил чар.

Это был именно чар, никаких сомнений, хотя Жиото не смог бы объяснить, почему так решил. Мужчина лет сорока, то есть куда старше Дука, невзрачной внешности, с редкими темными волосами и запавшими глазами. То, как он держал себя, жесты и голос – все свидетельствовало о том, что этот человек владеет силами, обычным людям не подвластными.

– Не ноет, – сказал Жиото. – Колет.

– Это понятно. Не бойся, кишки у тебя были поранены, но я там подправил кое-чего, залатал. Сядь.

Дук сел. До того он видел лишь фигуру мужчины, все остальное расплывалось, а теперь разглядел, что находится в просторной комнате сельского дома. Сквозь окна и приоткрытую дверь лился дневной свет. Пахло травами. Дук сидел на узкой лежанке, рядом возвышалась печь, дальше стояли стол и лавки, а под стеной – большой сундук.

Чар выпрямился. Одет он был в черную меховую куртку и широкие штаны, обут в сапоги из грубой кожи.

– Так... – произнес он, разглядывая Дука.

Жиото не помнил, как очутился здесь, но смутные картины того, что происходило недавно, жили в его памяти. Драка на дороге возле ельника, капитан городской стражи, ударивший его мечом в живот, боль и еще один удар – сзади, между лопаток. Он не забыл, как пытался уползти и этот тяжелый красный кафтан, мешавший двигаться... Кошель! Большой кошель с драгоценностями, монетами и камнями, пришитый к подкладке! Тогда, после двух ранений, Дук был в полубреду, потому и скинул кафтан. Это же целое состояние, он бы мог жить до конца своих дней, ни о чем не заботясь...

Голова закружилась при мысли о том, чего он лишился, все вокруг поплыло, и Дук с искаженным лицом упал на лежанку.

– Что такое? – донеслось до него сквозь звон.

– Сколько... Сколько дней я тут лежу? – просипел Жиото.

– Пять. – Заскрипели сапоги, чар куда-то пошел.

Первые Духи, пять дней! Теперь не найти ни кафтана, ни кошеля, даже если вернуться на то место...

– На-ка, выпей.

Ноздри Дука затрепетали, когда он ощутил острый травяной запах. Что-то прижалось к пересохшим губам. Терпкая жидкость проникла в рот, и Дук помимо воли глотнул.

Тихий звон в его голове всколыхнулся волной, смысл болезненную слабость: на мгновение все вокруг вспыхнуло, а потом сердце забилось часто-часто и по телу разошлась дрожь.

– Аргх! – сказал Дук. Глаза выпучились, грудь выгнулась, тело словно подбросило над лежанкой, и он вновь сел.

И зрение улучшилось – теперь он видел окружающее четко и ясно.

– Где я?

Чар с довольным видом отступил, закупоривая крышкой небольшой, обмотанный широкими полосками ткани кувшинчик.

– Дай еще, – попросил Дук. – Что это? Слышишь, дай мне еще, я хочу...

– Не дам, – отрезал чар. – Это «травяная кровь», она на вес золота.

Травяная кровь?

Дук уставился на него.

– Так ты... Песко Цветник?

Мужчина ухмыльнулся – самодовольно, но с легкой опаской.

– Откуда знаешь?

– Я из Форы, там в аптеках есть такое снадобье, называется «кровь травы». Дорогое очень. У меня один аптекарь в знакомцах, так он говорил, снадобье это делает Песко Цветник, чар, который живет в селении возле Разлома... Ох, и далеко же я теперь от Форы, – заключил он.

Песко нахмурился.

– Городские лекари мое снадобье разбавляют, поэтому то, что в аптеках продается, не так хорошо помогает. – Он повернулся к Дуку спиной, скрылся за печью и чем-то зашуршал. Жиото сидел неподвижно, глядя на стену перед собой и прислушиваясь к ощущениям: в животе колет, тянет спину между лопаток, ноет в правом боку... А так – жить можно.

Песко Цветник вернулся уже без кувшинчика.

– Где я? – повторил Дук.

– Это селение никак не называется. Ко мне цех аптекарей каждое лето присылает людей, я им жбан снадобья продаю. Себе вот немного оставляю. Больше мне за год не приготовить, потому что ингредиенты, из которых я «кровь» делаю, – они редкие очень. Один жбан знаешь сколько стоит? А аптекари уже в Форе разбавляют его. Ладно, ты сразу не вставай, полежи еще. После поговорим, кто ты да откуда. – С этими словами чар вышел.

На лавке у стола Жиото заприметил свои штаны и рубаху, а под лавкой – сапоги. Откинул одеяло и оглядел себя. Дряблая белая кожа, руки и ноги такие тощие, что похожи на палки. На животе багровел шрам. Этот капитан... Уродец! Убийца! Дук помнил, что вонзил меч в грудь стражнику, когда тот непонятным образом сумел ранить лича. Вот так! Капитан мертв, а он, Дук Жиото, жив. Это главное. Хотя кошель с драгоценностями было жалко. Ох как жалко! И еще Зоб... Теперь ни хозяина-аркмастера, ни друга-лича – никого. Он так выслужился при великом чаре – любимым слугой стал! – потом у него был Зоб и драгоценности, он столь многого добился в Форе, а теперь, из-за какого-то капитана – опять без денег, без службы, да еще попал в дикое селение, у которого даже названия нет... Дук сморщился от жалости к себе.

Снаружи слышался скрип, потом звук льющейся воды. Заблеяла коза. Он повернулся, свесил костлявые ноги с лежанки, посидел немного и кое-как встал. Комната качнулась и чуть расплылась, но травяная кровь Песко Цветника помогла не свалиться на пол. Широко расставив ноги и растопырив для равновесия руки, Дук, качаясь, добрался до лавки, тяжело сел. Кое-как натянул штаны, затем сапоги, рубаху. Вновь огляделся и, заприметив возле печи узкую дверцу, поковылял туда. За дверью, как он и ожидал, была каморка, где стояли пара метел, палки и ведра, на вбитых в стену гвоздях висели мотки бечевки, на полу лежал ящик со старыми подковами, клещами и сломанным ржавым ножом. Голова закружилась. Жиото сел на пол у двери и долго сидел. Наконец, придерживаясь за косяк, поднялся. Ноги дрожали, в животе свернулся тугой ком, но... Первые Духи, всего пять дней с тех пор, как его ранили! – да если бы не умения Песко Цветника, Дук бы давно сдох, а не сдох – так валялся бы сейчас, корчась от боли в загнивающих кишках. Хороший человек Цветник, привез Дука к себе, хотя тот ему никто, выходил, не стал жалеть «травяной крови», пусть она и дорогая...

Думая обо всем этом, Жиото из черенка метлы, палки и веревки соорудил костыль и поковылял к приоткрытой двери, из-за которой доносились голоса. По дороге остановился, чтоб заглянуть в сундук, но там лежала глиняная посуда да какие-то тряпки, а кувшинчика со снадобьем не оказалось.

Встав на пороге, Дук увидел обычный сельский двор: сарай, птичий загон, где квохтали куры, навозную кучу, обложенную камнями круглую дыру колодца. Небо было затянуто серенькой пеленой, дул зябкий ветерок. Возле сарая стояла телега. Угол приподнят – присев, его на плечах удерживал крестьянин. Второй что-то делал с колесом телеги. Песко Цветник стоял рядом, наблюдая за их работой. Услыхав скрип двери, чар оглянулся.

– Сказал же тебе не вставать пока, – проворчал он, впрочем, не слишком грозно.

Крестьяне закончили прилаживать колесо и повернулись к Дуку. Оба выглядели диковато – тощие, с бородами до пупа, со спутанными патлами, в грязной одежде. На Дука они смотрели подозрительно и враждебно. Один что-то сказал чару, тот ответил, крестьяне переглянулись, вновь покосились на Жиото и побрели со двора.

Возле дома лежали дрова, Дук доковылял до них, сел, бросив костыль и привалившись к стене. Положил ладони на колени и увидел, что руки дрожат.

Песко подошел к нему и сказал:

– Ну так как тебя величать?

– Дук Жиото, – он улыбнулся, заглядывая в глаза чара. – Спасибо тебе, Песко Цветник, спас меня от смерти. А я вот, понимаешь, не помню совсем, как ты меня нашел да где это было?

Чар показал на сарай, откуда как раз донеслось ржание.

– Я к больному в соседнее селение ездил. А когда возвращался, тебя и нашел. Ты прямо на дороге лежал, на Земляном тракте то бишь. Думается мне, ты полз, да и выполз на тракт, а там в беспамятство впал. Я тебя чуть было не раздавил: прикемарил на телеге. Хорошо, Травка, лошадь моя, остановилась и заржала. На

телегу тебя положил, сюда привез... так вот. Кто же это тебя, Дук Жиото, подранил? А то меня крестьяне донимают, не привел ли я к ним какого разбойника.

Дук прижал руку к сердцу и сделал движение, будто собираясь встать, но не встал.

– Да что ты! Какой же я разбойник – ты погляди на меня!

Чар присел перед ним на корточки и велел:

– Ну так рассказывай.

– Из Форы я, в услужении там был у одного торговца. Ты, наверное, знаешь, что в городе чары сцепились? Эти, как их... аркмастеры, те, что цехами верховодят. Промеж них такое началось – страх. Убивства всякие, и еще ладно бы они только друг дружку мутузили, а то ведь и простые люди пропадать стали. Ты, Песко, не думай, я против чаров ничего не имею, вот ты тоже чар, а сразу видно – человек хороший, жалостливый. Но в городе они совсем уж... озверели. Вот народ из Форы и потянулся кто куда. Я с папашей старым жил да с братиком младшеньким. У нас родичи далеко на востоке есть, мамани покойной родня. А торговец, хозяин мой, одному из цехов что-то продавал – не знаю что, но какой-то у них договор был. Другой цех как-то вечером подослал наемников, и хозяина моего зарезали, а вместе с ним и всех его слуг. Я один убег. Уже к тому времени в Форе немного людей осталось, дома брошенные стояли, на улицах, понимаешь, мертвецы лежат, стража разбежалась... Я как домой ночью бежал, гляжу – в конце улицы, где наш дом, карета брошенная. Лошадей кто-то увел, а карета стоит, и мертвец внутри. Я его вытащил, взял папашу с братиком, скарб, какой у нас был, вывел нашу лошадку, впряг в карету, сели мы и поехали. И еще, знаешь ведь... – Жиото доверительно склонился к внимательно слушавшему Цветнику. – На вершине Шамбы стоит дом чаров, Универсалом зовется. Так мы, когда уже с горы съехали, видели, как он светился, и еще грохотало там что-то. Чары, значит, сошлись в битве, я так думаю. Вот ехали мы, ехали, а под утро на нас напали. Времена-то такие, что разбойников много повсюду. Папашу моего с братиком... убили их, а я дрался, так меня порезали, я упал, они и решили, что умер.

Дук всхлипнул, откинулся к стене дома и закрыл глаза, сам почти уверовав в свою историю.

– Забрали скарб наш, – продолжал он тихонько. – Я потом плохо помню, что было. Совсем даже не помню. Видно, в беспамятстве пополз куда-то... а после ты меня и нашел.

Он раскрыл глаза. Чар внимательно смотрел на него.

– Больше нечего рассказывать, – заключил Дук.

Песко Цветник выпрямился, оправил куртку из кротовьих шкур. Дорогая это была куртка, не то что штаны его грубой крестьянской работы и старые разбитые сапоги.

– Раз так, оставайся у меня, Дук Жиото, пока совсем не выздоровеешь, – решил Песко. – Сейчас и вправду времена такие... недобрые. И что между чарами в Форе война – про это я слышал. Цеха дерутся, да. Выходит, раненых много будет, аптекарям моя «кровь» вскорости понадобится. Хотя, может, и наоборот станет: ежели народ из города разбежался, то этим летом ко мне посыльные от аптекарей и не явятся...

Они помолчали, думая каждый о своем.

– Хорошая куртка на тебе, – осторожно произнес Дук. – Такую и в городе не всякий богачей себе позволит.

– Что? – Песко взглянул на него. – А, куртка... Да это мне проезжий один отдал.

– Какой проезжий?

– Мимо нас фургон проезжал, в нем старик и барышня молодая. Внучка его. Богачи, сразу видно, но почему-то без охранников. Старик больной, горячка у него. Остановились здесь, спрашивали, нету ли в селении лекаря. А лекарь... Я и есть местный лекарь. Напоил старика «травяной кровью», он, конечно, сразу ожил. Вот, куртку мне отдал.

– Что ж, у них монет не было заплатить, если богатые? – удивился Жиото.

– Были. Но старик хитрый попался. Нет, он платить не отказывался, но, говорит, давай я у тебя за три золотых весь кувшинчик куплю. Но я ему все отдавать не хотел, сказал: «Господин, вы два глотка сделали, вот за два и платите». А он говорит: «Мелких монет нету, разменяешь?» Врал, наверное, хотел весь кувшин выманить. А тут, понимаешь, Дук, денег совсем не водится. Со мной крестьяне посудой расплачиваются, тряпье всякое тащат, еду или по хозяйству помогают. Нет, у меня, конечно, сбережения есть, но мне... – Песко смущенно улыбнулся. – Куртка мне его приглянулась, так я старику и сказал: нету размена, давайте, господин, ее в оплату. Куртка дорогая. Я ему еще чуток «крови» с собой налил, он мне куртку и оставил.

Дук слушал очень внимательно. Молодая женщина со стариком? Он помнил фургон и то, как его ударили в спину, как он упал на капитана, вонзив меч ему в грудь, как потом его оттащили к обломкам телеги и бросили... И еще помнил две фигуры над собой, голоса: молодой женский и стариковский...

– А барышня, у нее не светлые ли волосы были? – спросил Дук.

Чар уставился на него.

– А тебе зачем?

– Да вот, понимаешь... Сдается мне, что я этих господ знаю. В городе они рядом с лавкой моего хозяина жили, и барышня частенько к нам заходила.

– Ага, светлые, – согласился чар. – Красивая, только грустная очень. Я даже видел, она плакала, пока мы со стариком торговались.

– И куда ж они поехали?

– Тут возле селения только Земляной тракт, а других дорог нету. Вот по нему и поехали, прочь от города.

У Дука сильно закололо в животе, он согнулся и простонал:

– Ох... Опять колется.

– Так пошли, пошли в дом, ляжешь. – Песко обхватил его за плечи, помог подняться, сунул в руки костыль и, придерживая, повел к двери.

– Братик... – стонал Дук, пока чар укладывал его. – Молодой еще совсем, в семинарию его с папашей хотели определить, денег копили... Теперь ни братика, ни папаши, ни денег... Ой, болит как...

– Ладно, дам тебе еще глоток, – сказал чар и ушел за печь. Раздалось шуршание, звяканье, и Песко вернулся.

– «Травяной крови» много пить возбраняется, потому что можно себе вместо пользы вред нанести, – пояснил он, поднося кувшинчик к губам Дука.

У того снова зазвенело в голове, сердце заколотилось – а после боль прошла. Чар продолжал:

– Если перебрать, может приключиться то, что мы, лекари, называем «непредвиденными явлениями».

– Это че за явления такие? – не понял Дук.

– А видения. Видения миров иных.

– Каких миров?

– А тех, что находятся за границами известных нам полей.

– Каких полей? – еще больше удивился Жиото.

– Тех полей, что ведомы нам. А миры за их пределами. Не поймешь ты все одно.

Песко напоил его бульоном, заставил съесть немного хлеба. Начало темнеть. Чар вернулся к своим обычным занятиям, то выходил во двор, то что-то делал в доме. Когда он появлялся в поле зрения, Дук неизменно обращал к нему лицо и

следил за хозяином благодарным взглядом. Иногда Жиото, вспоминая про набитый драгоценностями кошель, стонал и морщился, жалея себя.

Когда совсем стемнело, Цветник зажег плошку, поставил на стол миски, кувшин с чашками и позвал Дука ужинать.

– Пить тебе пока нельзя, – сказал он, когда Дук тяжело уселся на лавку. – Да и вино тут дрянное, не вино, а выжимка. Но поесть надо.

Разговаривая, они сидели долго, плошка почти выгорела. Песко рассказал, как учился в семинарии холодного цеха, хотя всегда испытывал страсть к отцовскому ремеслу. Папаша его был аптекарем, но хотел, чтобы сын стал чаром. Потом, когда Песко уже закончил семинарию, отец умер. Аптеку забрали ростовщики за долги, которые, как оказалось, были у старика, часто посещавшего веселые дома и содержавшего двух любовниц в разных концах города. А сын подался в это селение, где как раз нужен был чар. В растениях всяких он хорошо разбирался, да еще у местных кое-чему научился – и сделал в конце концов свою «травяную кровь». Видно было, что Песко ею гордится.

– Вот тебя она как быстро на ноги поставила? – говорил он. – Ну, еще не совсем поставила, но ведь жив ты и скоро совсем бодрым станешь. А ежели б не «кровь» моя – помер бы, и все тут. Ни один лекарь тебя бы не спас, это я тебе говорю, Песко Цветник! От «травяной крови» все само собой срастается, потому что в ней и травы всякие, и еще магия моя домешана.

Стояла глухая тишина, какой в городе никогда не бывает. Время подошло к полуночи, когда они отправились спать. Дук устроился на лежанке, а Песко – на печи.

– Топить сегодня не буду, – сказал он из темноты. – Под утро холодно станет, закутайся получше. Я там второе одеяло положил.

– Спасибо тебе, – откликнулся Жиото.

Они помолчали, а потом Песко произнес:

– Завтра, Дук, я тебе еще чуток «крови» дам хлебнуть. Через день-два ты совсем выздоровеешь. И что дальше будешь делать?

Жиото повернулся, пытаясь устроиться так, чтоб не кололо в животе.

– Не знаю. А куда мне теперь податься? Я уже думал-думал, пока лежал, – выходит, некуда. В город сейчас не сунешься, кареты и лошади моей нету...

– А оставайся здесь, – предложил Песко. – Я тебя учеником сделаю.

– Да я ж ни в магии, ни в травах ничего не смыслю, – удивился Дук.

На печи зашуршало: Песко приподнялся на локте.

– Ты молодой совсем, почти что юнец, – заговорил он со сдержанным волнением. – В твоём возрасте всему быстро обучаются. У меня ж, видишь, ни жены, ни детей, вообще никаких родичей не осталось. Кому тайну «крови» передать, кого обучить, как ее изготавливать? Да ее еще и изучать надо, потому что много таинственного в том, как она на людей влияет, много этих самых «непредвиденных явлений». А ведь «кровь» – дело всей моей жизни, сколько я труда вложил, сколько опытов переделал... Да и все другое, что я знаю, – а я много знаю. У меня книга есть, в нее всякое записываю, все заклинания... и что? Помру – она и затеряется. Крестьяне, дикари эти, растащат, чтоб печи растапливать. Обидно мне. Я ж столько умею всего, столько знаю, а тут... и поговорить не с кем. Здесь все тупоумные. Хотел себе среди мальчишек ученика найти, кто посмышленнее, да куда там. Нету среди них смышленных. Крестьяне эти до сих пор думают, что по лесам вокруг Первые Духи бродят. А ты все же городской, у лавочника, говоришь, в услужении был. Значит, поумнее будешь.

Дук подумал-подумал и сказал:

– Можно. А жить у тебя? А еда?

– Ну! – обрадовался Песко. – Это мне тебя Первые Духи послали! Жить поначалу здесь, а после и дом тебе отстроим. Сбережения у меня небольшие, я часто в город езжу, всякие ингредиенты для своих опытов покупаю и трачу на них много, ну и еще горную манну беру у следопытов, которые к нам заходят иногда.

Но я крестьянам прикажу – они бесплатно дом отстроят. За еду не беспокойся, прокормимся. После, если захочешь, найдешь себе девку из местных, женишься. Они чаров уважают и боятся, будет она тебя слушаться. Обучу всему, что знаю. А?

– Хорошо, если так, – сказал Жиото. – Мне даже... ну, вроде и любопытственно стало, все эти твои заклинания, травы...

– Ну и славно, ну и договорились...

Вскоре Песко захрапел, а Дук лежал, глядя в потолок. Вот как оно все оборачивается, размышлял он, вслушиваясь в тишину, что окутывала селение. Жил я в городе, был в услужении у самого аркмастера, а теперь занесло невесть куда, и Песко Цветник предлагает стать его учеником...

Глаза Дука давно привыкли к темноте, он различал забитые соломой щели между бревнами потолка, а когда поворачивал голову, видел очертания стола и лавок. Впервые с того времени, как он очнулся, захотелось помочиться. Жиото тихо, чтоб не разбудить хозяина, встал, откинул засов и вышел во двор. В Городе-На-Горе звезды не такие – тусклее, да и видно их меньше, тут же небо аж сияло. Сделав свое дело, Дук вернулся в дом, достал из-за пазухи сломанный ржавый нож, который нашел в каморке, когда сколачивал себе костыль, залез на лавку, что стояла у печи, и перерезал горло спящему на спине Песко Цветнику. Чар всхрапнул, дернулся и умер. Дук стащил тело на пол, покопался в одеялах, отыскал неглубокий узкий закуток между печью и стеной... пусто. Дук стащил с печи все одеяла – под ними ничего не было. Где же ты прячешь «травяную кровь», Песко Цветник? Может, в стене есть выдолбленная ухоронка, прикрытая доской?

Жиото медленно пошел вдоль стенки, стуча кулаком по бревнам, и тут же зацепился за что-то, больно ударившись ногой. Отпрянул, глядя вниз. Ничего, обычный пол. Дук медленно вытянул ногу. И отдернул, коснувшись носком чего-то незримого. Да что же это такое? Он присел, выставил руки перед собой. Пальцы ткнулись в шершавую твердую поверхность. Ладонями он ощупал непонятный предмет со всех сторон – вроде ящика, по бокам прямые стенки, сверху покатая крышка... сундук! Он нашел скобу, потянул.

С тихим стуком крышка откинулась. В воздухе невысоко над полом висел обмотанный широкими полосками ткани, запечатанный крышкой кувшинчик, рядом лежала книга в деревянном переплете и холщовый мешочек с затянутой ремешком горловиной. Дук опустил руку, похлопал ладонью по невидимому дну сундука. Вот это да!

К тому времени от усилий он совсем ослабел, поэтому сразу снял плотно сидящую крышку и сделал большой глоток «травяной крови».

В горле запершило, в голове будто рог затрубил, перед глазами пронесся вихрь красных искр. Сердце заколотилось так, словно готово было, проломив ребра, выскочить наружу. Охнув, он сполз вдоль стены и чуть было не уселся в невидимый сундук. Встал, пытаюсь совладать с ощущением, что голова стремится оторваться от тела и взмыть к потолку, – даже крепко ухватил себя за уши. Комната содрогалась в такт ударам сердца, кренилась из стороны в сторону. А еще руки и ноги стали двигаться быстрее и приобрели небывалую легкость.

Потом, когда сердце успокоилось, Жиото вернулся к печи и едва успел остановиться, чуть не врезавшись в нее грудью. Было ощущение, что он не идет, а скользит по полу, перетекает из одного места в другое, словно стал струей кипятка. Он будто пенился, пузырился, внутри клочкотало. Тело сотрясала дрожь, кожа на лице горела и стянулась к скулам. В комнате стало светлее, белесые пятна расплывались по стенам и потолку.

Песко Цветник лежал у лавки. Дук заглянул в мешочек из сундучка-невидимки, увидел горсть серебряных монет – и повесил его на пояс. Достал книгу, порыскал в других сундуках, стоящих за столом, нацепил лучшую одежду, что смог найти, – не забыв, конечно, и про куртку из кротовьих шкур, – а после разжег свечу и забрался в подпол. Там у Песко было что-то вроде мастерской. Вместо стола – широкие доски на козлах, где стояли скляночки и реторты; на веревках висели связки трав, на стене – полки с банками и шкатулками. Жиото нашел иглу с нитью и пустой кошель, украшенный золотой вышивкой.

Переложил в него большую часть монет и пришил к подкладке куртки на левом боку. В приземистом длинном сундуке, набитом тряпками, обнаружилось и оружие: вроде короткого посоха, но с рукоятью на одном конце и узким трехгранным лезвием на другом. Клинок вставлялся в деревянную трубку, чтоб не пораниться ненароком.

Еще в подполе на веревках висело несколько окороков, у стены стояли кувшины. Дук открыл один, понюхал: пахло перебродившим виноградом. Он снял с вбитого в стену гвоздя котомку из мешковины. Уложил в нее пару окороков, кувшин с вином и книгу. Прошелся по мастерской, соображая, что бы еще захватить. В склянках, что стояли на полках, были какие-то жидкости зеленых, коричневых и желтых цветов. На запечатанных сургучом горлышках нацарапаны названия. Дук собрал столько, сколько поместилось в котомку, замотав каждую в тряпочку, чтоб не побились.

Выйдя наружу, он раскрыл ворота сарая, вывел лошадь, приговаривая: «Травка... Не бойся, Травочка...» – запряг ее в телегу.

Селение спало, нигде не светилося ни одного огонька. Дрожь прошла, сердце билось ровно и сильно. «Травяная кровь» сделала тело легким, словно пуховым. Выпрямившись на телеге во весь рост, Жиото огляделся, выбирая направление, и тряхнул поводья. Вскоре телега выехала на тракт, что тянулся от Шамбы вдоль Большого Разлома почти до гор Манны.

Глава 2

Разлом был не виден за холмами. Селение давно осталось позади; Дук ехал под серым небом, вокруг тянулись луга и пригорки, а далеко впереди темнел лес. Иногда Земляной тракт взбирался на холмы, иногда огибал их. Дук, не останавливаясь, перекусил, запивая мясо вином. Он сидел на передке телеги, положив посох на колени, то и дело глядел по сторонам, страшась, что откуда-нибудь из-за одиноко растущего дерева или кустов на обочине вдруг прилетит разбойничья стрела.

Дорога пошла в гору. Когда телега достигла пологой вершины, Дук увидел, что примерно на середине склона стоит человек и машет рукой, призывая остановиться. Жиото закрутил головой и заприметил ниже, у подошвы холма, еще одну фигуру, бредущую к вершине. Больше здесь вроде бы никого не было, нигде не хоронилась засада, но останавливаться он все равно боялся.

– Давай! – он стегнул лошадь. Травка заржала и пошла быстрее, под днищем заскрипела ось.

Человек возле дороги опять махнул. Другой, поднимающийся по косогору, что-то прокричал. Сжимая вожжи одной рукой, Дук ухватился за посох, зажал деревянную трубку между коленей и высвободил клинок.

– Подождите! – донесся до него приглушенный крик второго.

Когда Травка поравнялась с незнакомцем, тот вцепился в оглоблю. Дук крикнул, Травка заржала, телега громко скрипнула – и остановилась.

Жиото, чуть не полетевший на землю, вскочил и заорал, размахивая оружием:

– Ты кто такой? Пошел отсюда! За мной еще целый обоз идет, он сейчас будет здесь! С дороги, уродец!

Остановивший телегу тучный парень молчал, глядя на Дука. Из-за плеча торчал конец древка, но что там за оружие прячется, Жиото понять не мог.

– Да кто ты такой? – орал он, стоя на телеге. – За холмом обоз, слышишь, и воины с ним, щас сюда приедут и враз вас всех порежут!

Положение было нелепое: Дук возвышался над толстяком, потрясая посохом, и вопил, незнакомец стоял, удерживая лошадь и не позволяя телеге двигаться дальше. И молчал.

Второй, наконец, подбежал к ним.

– Вач, друган! – укоризненно заговорил он. – Да что ж ты людей пугаешь?

Дук окинул парочку взглядом. Первый, одетый бедно, с бритой головой и кругом волос на макушке, был старше Жиото, но не намного; второй – белобрысый и кучерявый, с юным розовощеком лицом – куда младше. В руке он сжимал хворостину, а одет... Дук вытаращил глаза на дорогой красный кафтан, перевел взгляд на толстяка – и узнал полицейского стражника из Форы, того самого, что был с капитаном возле селения, когда хозяин-аркмастер отдал страже раненого шамана.

– Отпусти, отпусти лошадку, Кабан, – говорил между тем юнец. – А вы уж простите его, он не нарочно, напугать вас не хотел, он просто такой... Такой вот он человек.

Дук стоял ни жив ни мертв. Он уже вспомнил, какое оружие было у толстяка. Вот сейчас стражник достанет свой страшный топор да как хрястнет им бывшего слугу аркмастера мертвого цеха по спине – и не станет Дука Жиото.

– Вы куда путь держите? – продолжал юнец. – А впрочем, тут ведь дорога-то одна. Подвезете нас? Мы и заплатить можем. Вы не сердитесь, Вач хороший, только диловатый чуток.

Дук взглянул на юнца и выдавил из себя улыбку.

– Зато он боец знатный, правду говорю. Если какие... нехорошие какие люди попадутся – он защитит.

Жиото покосился на второго и наконец понял, что тот не узнает его. Толстяк служил стражником, был под началом у капитана, а на юнце надет его, Дука, красный кафтан... Что все это значит?

– Тогда садитесь, – решил Дук Жиото. – Давайте, залазьте. Поедем вместе.

Теперь Дук не боялся, что крестьяне нагонят его: не только селение, но уже и холм, на котором он повстречал двоих путников, остался далеко позади.

Пришлось поделиться едой. Вач, сожрав половину окорока и напившись вина, лег на устилавшей телегу соломе и вроде заснул. Юнец, представившийся Бардом Бреси, уселся рядом с Дуком и принялся болтать.

– Откуда идете? – спросил Жиото, когда Бард ненадолго умолк, чтобы отхлебнуть из кувшина.

– Так из Форы мы, – отвечал юнец. – Я вообще-то вагант, а папашка мой кожевник, меня в семинарию отдал, да мне там надоело, бросил я, в ваганты подался. Меня тогда папаша из дома и выгнал. Бродяжничал я, понимаешь, Дук? Познавал, как говорится, существование во всех его разнообразных

проявлениях. Набирался опыту житейского. А сейчас у меня этот... ванделяр.

– Чего у тебя? – удивился Дук.

– Ванделяр! – со значением повторил Бреси. – Это я в семинарии услышал. На одном ненашенском языке это значит «год скитаний», какой в жизни каждого молодого мужа должен произойти. Это когда принимается блудный сын странствовать по свету, а после, набравшись мудрости, возвращается к родителям, становится перед ними на колени, и они, плача, его принимают в объятия... – Бард ненадолго замолк и, вздохнув, добавил: – Только мамаша меня, может, и приняла бы в объятия, но она давно померла, а папаша... Вот сейчас что-то сомнения взяли, не верится, что он меня в объятия примет. Он скорее прикажет слугам собак спустить да гнать меня со двора, ударяя палками по спине и ягодицам. Да и жив ли папаша мой еще? В Форе-то страсти такие начались...

Он замолк и свесил нос, но долго грустить не стал и, вскинув голову, продолжил рассказ:

– А вообще мы за фургоном одним едем.

– За фургоном... – равнодушно повторил Дук. – А зачем? И кто в том фургоне?

– Я их не видел. Старичок какой-то вроде бы да женщина. Молодая женщина, да-да. Вот он, – юнец ткнул пальцем за спину, – ей служить должен. Он такой... служивый. Ну то есть ему самому по себе тяжело. Потому что он... – Бреси понизил голос. – Глуповат мой друган, понимаешь? Ему хозяин обязательно нужен. Из Вача слова лишнего не вытянешь, не умеет он витийствовать, как вот я, к примеру. Я, пока шли, пробовал его разговорить, трудно, конечно, но кое-чего понял. Он служил этому... капитану. Был такой в Форе капитан стражников, его все знали, Трилист Геб звался. Но умер, разбойники убили. И капитан оставил Вачу послание, своею кровью на дощечке намалял: мол, иди за фургоном, в нем женщина, у ней будет мой ребенок. Служи ей. Вот и идем.

Гряда холмов закончилась, потянулась низина. Впереди темнел лес. Жизнерадостная болтовня Барда Бреси далеко разносилась над округой.

Дук обдумал услышанное и задал вопрос:

– А как вышло, что ты с ним отправился?

– Да как... Я ж, говорю, бродяжничал. Как-то иду себе по улице, никого не трогаю, размышляю, где бы разжиться хлебом насущным. Вдруг выскакивает этот Кабан, хватает меня, бормочет что-то про буковки и тащит... Во, а потом оказалось, что его другана зарезали, капитана этого, и тот оставил надпись кровью, чтобы Вач за фургоном шел... А, я ж тебе про это только что толковал. Вач прочесть не смог, не обучен он, вот меня и притащил. Ну и я... Что в той Форе делать? А Кабан – он туговат умом, потеряться может, или вдруг случится с ним чего – кто подсобит? Я же человек воспитанный, не смотри, что молодой, а умом папаша с мамашей не обделили. Вот я с ним и пошел, приглядываю теперь.

Он замолчал и отпил из кувшина.

– Ты все не выпей, – заметил Жиото. – Нам еще долго ехать.

– Ой, да, извини. – Бард Бреси закупорил кувшин и, полуобернувшись, положил рядом с ногами толстяка. Дук тоже оглянулся: Вач-Кабан вроде бы спал, но если из придорожных кустов с шелестом вспархивала птица или телега скрипела особенно громко, глазки его на заплывшем красном лице приоткрывались.

– Хороший у тебя кафтан, – заметил Дук. – Не знал, что ваганты в таких ходят.

– А они и не ходят. Этот кафтан на дороге валялся. Ну то есть возле того места, где мы капитана нашли. А уже снег пошел, холодно, вот друган на меня его и надел. А там, представляешь... – Он вдруг умолк, быстро покосился на Жиото. Дук сидел с безмятежным лицом. Бард Бреси спросил: – А ты-то кто, друган? Я все болтаю, не даю тебе слова сказать. Ты тоже из Форы, да? Куда направляешься? Шрам у тебя вокруг глаза – ух! Круглый такой, надо же...

Дук рассказал про братишку с папашей, про то, как на них напали, про то, как один спасся и теперь не знает, куда податься. А про шрам пояснил, что это от разбойников остался.

Бард Бреси взгрустнул, даже сочувственно похлопал его по плечу. Дук еще раз оглянулся на Вача, прикидывая: что, если сейчас схватить обеими руками лежащий на коленях посох-клинок, вспрыгнуть на толстого и засадить острие

ему в брюхо? Или лучше в грудь, в самое сердце. А уж юнца после прикончить легко будет. Ведь кошель с драгоценностями – он, получается, до сих пор там, за подкладкой кафтана пришит. Вагант – сморчок хилый, драться не умеет, только болтать горазд – это ясно.

Тут как раз Травка фыркнула, глазки Кабана раскрылись, быстро глянули на Жиото и вновь закрылись. Страшное оружие лежало рядом, широченная ладонь покоилась на топориче. И хотя топор был несомненно тяжеленным, Дук почему-то не сомневался, что Вач сможет – даже сейчас, когда лежит на спине в полудреме, – ударить быстрее, чем острие посоха пронзит его грудь. С сожалением отказавшись от мысли немедленно завладеть кошельком, Дук вновь уставился на дорогу.

– А знаешь что, надо тебе с нами ехать! – провозгласил Бард Бреси. – Ты ж такой же бедолага, как и мы. Втроем веселее, да и не так опасно, а? Ты мне понравился, Дук, прости, что я вот так прямо тебе это говорю. Я в человеках разбираюсь, на всяких насмотрелся, пока бродяжничал. И в веселом доме у девок жил, я тебе еще не рассказывал? Видал ихних этих... клиентов ихних, всяких разных важных мужей. А ты приличный человек, Дук, ты нам, может, пригодишься, и мы тебе тоже. Догоним фургон с этим старичком и женщиной, а дальше поглядим. Может, на службу к ним пойдем. Вач будет охранять, ты возникнешь, а я... Ну, я много могу. Они же – как мы. Из Форы, но только богатеи... Куда едут? Я так смекаю, у них земли дальше есть, за лесом Аруа, может, замок стоит, туда они и направляются. Так я управителем могу стать, дела их вести. Счетоводом тоже. Я и науки всякие знаю, грамматику и эти, как их... диалектику с риторикой.

Дук Жиото благодарно кивнул.

– А и что, поедем, – решил он, переводя взгляд на полы красного кафтана, который Бард Бреси как раз плотно запахнул: давно перевалило за полдень, небо темнело, стало прохладно.

– Хорошо! – обрадовался юнец. – Теперь, значит, трое нас. Слышишь, Вач, у нас попутчик новый! Люблю, когда народу побольше, когда дружба, чтоб все друг к другу с пониманием... Весело когда, люблю, понимаешь, Дук, друган, чтоб поговорить можно было...

* * *

Когда старику стало совсем худо, им пришлось на три дня остановиться в селении у тракта. Жеранту надо было бы отлежаться подольше, однако он, как только почувствовал себя немного лучше, заставил Лару ехать дальше. И, конечно же, вскоре вновь занедужил. Но тут, на счастье, попало другое селение, в котором обитал не кто-нибудь, а сам Песко Цветник, напоивший Жеранта своим снадобьем.

Теперь они подъезжали к лесу. Лара чувствовала себя скверно из-за тоски по Гебу и усталости от непривычного путешествия. Раньше она не покидала Форы ни разу – с тех самых пор, как приехала в столицу после детства, проведенного в замке.

Лес Аруа рос широкой полукруглой полосой, отделяя горы Манны от равнин центрального Зелура. Большой Разлом рассекал лес надвое, но вдоль трещины двигаться было трудно – сплошные провалы, особо опасные потому, что их скрывала растительность, и быстрые речушки, стекающие с гор в темные глубины Разлома, и скалы.

Ближе к лесу Земляной тракт обступили заросли маквиса, густого кустарника, в котором то и дело попадались невысокие деревца. Ехали целый день, не останавливаясь, правили по очереди, то Лара, то Жерант, после употребления «травяной крови» Цветника вполне пришедший в себя. Под вечер приблизились к лесу – сплошной стене дубов, в которую тракт нырял, как серо-коричневая река в зеленый океан. Жерант выпрямился на козлах, натянул вожжи, останавливая лошадей.

– Страшно здесь, – сказала Лара, высовываясь из фургона и глядя поверх плеча старика.

Пожилой оружейник промолчал. Он вообще мало разговаривал с внучкой.

– Гляди, там кто-то есть.

Возле тракта у самых деревьев стояла женщина с корзиной в руках и глядела на фургон. Увидев, что ее заметили, она поклонилась, махнула рукой, приглашая путников следовать дальше, и скрылась в лесу.

– Но! – Жерант тронул поводья.

Когда въехали в лес, стало темнее. Под колесами зашуршала палая листва. Лара пробралась в заднюю часть фургона, откинула полог. Место, где тракт нырял в лес, напоминало проем в стене, и теперь этот проем медленно отдалялся, делаясь все у€же. Птицы молчали, стояла тишина. Старик что-то произнес, Лара вернулась к нему и вновь выглянула, ухватившись за деревянную дугу, одну из трех, на которых была натянута ткань.

– Постоялый двор, – повторил Жерант.

Слева от дороги, посреди обширной вырубki, стоял окруженный сараями бревенчатый дом – приземистый и основательный. Привязанные веревками к стволу каштана, паслись две козы. За ними наблюдал лежащий на земле здоровенный мохнатый пес. Возле колодца женщина, которую они видели на краю леса, переливала воду из ведра в бадью. Рядом стояла телега.

Подул ветер, ветви дубов заволновались, зашумели. Жерант остановил фургон возле колодца, и Лара, поеживаясь, слезла.

Пожилая хозяйка поклонилась им. Одета она была в мешковатое платье с длинными рукавами, на голове шерстяной платок – виднелось лишь круглое бледное лицо, да из-под рукавов выступали кончики пальцев.

– Постоялый двор тут у тебя? – спросил Жерант Коско.

– Так и есть, – согласилась она, глядя на гостей темными совиными глазами. – Заходите, господин. И вы, барышня.

Жерант огляделся.

– Что-то не вижу совсем постояльцев. Ни коней, ни карет...

Женщина развела руками:

– У нас путники редко бывают, да и в лесу никто не живет, господин. Если только кто проедет мимо, к горам или к городу... И то не все останавливаются. А вы заходите в дом, сейчас брат мой выйдет, лошадей распряжет ваших. Вы если ночевать будете, так мы недорого возьмем.

Жерант поглядел на бледную уставшую внучку, подумал, что ночью ехать через лес может быть опасно, и решил:

– Хорошо, кликни его, пусть распрягает. И комнаты нам сразу покажи. – Он залез в фургон, вытащил из сундука сумку, где лежало самое ценное, что старик захватил с собой, и вновь спрыгнул на землю. Из дома показался коренастый хозяин с такими же, как у сестры, круглыми темными глазами, в облезлой шапке, нахлобученной по самые брови. Окинул взглядом гостей, кивнул и пошел к фургону.

– И ужин, – сказал Жерант. – Ужин приготовь.

Хозяин с хозяйкой оказались похожи друг на друга – оба невысокие, пухлые и круглолицые. Сестра любила поговорить, а брат молчал, только улыбался иногда. На левой щеке его была красная рана, при виде которой Лара вздрогнула – казалось, сквозь нее можно увидеть зубы.

Половину дома занимали просторное помещение со столами и лавками, а также кухня, отделенная дощатой перегородкой. Дальше были комнаты – в двух жили хозяева, еще четыре для гостей. Жерант Коско не стал снимать с пояса кинжал и сумку свою тоже в комнате решил не оставлять. Хозяйка принесла бадью с водой, полотенце, и старик помылся. Из соседней комнаты доносился плеск: за стеной тем же самым занималась Лара. Жерант склонился над бадьей, зачерпывая ковшиком воду и поливая голову, когда внучка прокричала из-за стены:

– Ой, дед, смотри! В окно глянь!

Жерант, схватившись за кинжал, сунулся в окно – и увидел вышедшую из леса косулю. Козы не обратили на нее внимания, а пес, подняв голову, заворчал. Косуля развернулась и скрылась между деревьями. Жерант плюнул и прикрикнул на Лару:

– Ты не вопи! Я чуть в бадью не упал.

Когда они вышли из комнат, хозяйка уже накрыла стол. Лара за ужином молчала: она давно свылась с тем, что дед с ней важные дела не обсуждает, и вообще никакие не обсуждает, только отдает приказания, когда ему что-то нужно. Она всегда его слушалась, потому что была самой младшей в семье: ею все родичи командовали, а дед – в особенности. Жерант молча прихлебывал горячий луковый суп и не глядел на внука. Сумку он положил на лавку рядом с собой.

Первая, самая острая тоска по Трилисту прошла, но Лара то и дело вспоминала о нем. А старик, кажется, позабыл Геба, как только фургон покинул то место на дороге у ельника. Лара знала, чем он озабочен, – предстоящей встречей с дочерьми и их мужьями, которые раньше добрались до замка и теперь хозяйничают там.

– Уважаемая, опасно по лесу ночью ехать? – спросил Жерант.

Женщина, как раз собиравшаяся выйти во двор, вернулась к столу.

– Мне бы лучше вам ответить, господин, что опасно, – сказала она, застенчиво улыбнувшись. – Чтоб вы уж точно на ночлег остались. Но если вправду – нет, не очень-то. Хотя волки могут к тракту выйти. Они все больше зимой нападают, но ведь уже почти что и зима...

И Лара и старик устали с дороги. Доев, оба сразу отправились спать.

* * *

В конце концов Бард Бреси совсем утомил его своей болтовней. Дук передал ваганту поводья, объявив, что хочет передохнуть. С опаской перешагнув через дремлющего Вача, он устроился на задуг телеги, достал из котомки книгу в деревянном переплете и принялся листать толстые шершавые листы. Здесь были муары – «живые знаки», которыми чары иногда записывали заклинания, – и обычные буквы. Читал Дук с трудом, муаров, ясное дело, не понимал вовсе, но буквы кое-как разбирал. На первой странице оказалось следующее: «Смешать корчевой вазель, вытяжку из стеблей медуницы, сорванной в полночь на

перекрестке лесных дорог, молотые земляничные листья и кал младенца мужского пола в пропорциях 3/5/2/5. Нагреть, добавить четверть унции воска. В темном сыром холодном месте, хорошенько закупорив, дать отстояться два года. Получается мазь Гретеля, способствующая прорастанию волос у плешивых; заживлению потертостей от седла у лошади; восстановлению девственной плевы; растворению мозолей на пятках. При незначительном добавлении в пищу на протяжении нескольких дней мазь Гретеля вызывает появление у человека отложений жира и, как следствие, тучности, приятной для взгляда и полезной для организма».

Все это было снабжено рисунками. Песко Цветник кропотливо, в деталях, изобразил, как выглядят земляничные листья, корчевой вазель (оказалось, что это какие-то корни) и стебли медуницы.

Мазь Дука не заинтересовала, он принялся листать дальше, хмурясь и шевеля губами при чтении. Больше всего ему пришлось по душе «паутинка-невидимка» – паста для того, чтобы сделать какой-либо предмет невидимым (увы, только предмет; Песко сообщал, что попытался опробовать средство на кошке, и та издохла в мучениях, оглашая окрестности криками: надо полагать, по причине невыносимого жжения, возникающего в живом теле при соприкосновении оно с пастой). Цветник писал, что у исчезнувших предметов появляются некие особенности, позволяющие использовать их интересным образом. Для производства снадобья требовалась паутина «арахноида семиногого, обычного» и некоторое количество всяких других веществ. Еще Дуку запомнился некий Древесный Сухорук – «пакостная мракобестия», как сообщал Цветник, «очами незрячая, но до пожирания всего живого охочая, нюхом его унюхивающая и вредная зело».

Жиото увлекся чтением. Лишь перестав различать буквы, он оторвался от книги и с удивлением понял, что почти совсем стемнело. Вач давно проснулся и шел рядом с телегой. Бард Бреси сидел, ссутулившись, на передке. Жиото спрятал книгу в котомку, крепко завязал горловину, сунул в угол телеги, набросал сверху соломы и после этого уселся возле Бреси.

– Вот и Аруа, – сказал он.

Телега подъезжала к первым лесным дубам.

Вагант уныло молчал.

– Что такое? – спросил Дук.

– Да вот... – скорбным голосом протянул Бард. – Тоскливо так... Погляди кругом... Поля, холмы, лес вон впереди, оно, конечно, поэтически весьма, но все ж таки тусклое все, нигде никого... Грустно чего-то, а?

Вач присел на борту телеги. Дук, оглядевшись, не нашел в окружающем ничего грустного, но согласно кивнул, показывая душевное единение с вагантом.

Темные силуэты деревьев обступили тракт, и тут же впереди загорелся огонек.

– Это что там? – удивился Бреси, сразу позабыв про тоску. – Вач, друган, слышь, погляди вон...

Но толстяк уже спрыгнул с телеги и пошел впереди, обгоняя лошадь. Топор висел за его спиной, бывший стражник ухватился за торчащий наискось над плечом, плотно обмотанный полосками кожи конец топорща.

Вскоре их глазам предстала вырубка, где стояли пара сараев, конюшня и дом, за окном которого горел свет – там пылал огонь в очаге.

Вач, впервые с того момента, как они встретились на холме, подал голос:

– Трактир.

– Постоялый двор, – поправил Бард. – Во, свезло нам. Давайте туда. Ты, Дук, не переживай, ежели у тебя денег нету, так мы за тебя заплатим.

– Оно неплохо бы, – согласился Жиото. – Откуда ж у меня деньги? Ни монеты не осталось...

Травка заржала, понимая, наверное, что скоро ее накормят. Когда телега остановилась между сараем и колодцем, из дома вышла полная круглолицая хозяйка.

– Вечер какой хороший, – заговорила она. – У нас неделями никого не бывает, а тут зараз столько гостей...

Бард Бреси слез с телеги.

– Нам бы переночевать. Вач, эй, Вач!

Тот молчал, повернувшись к ним спиной и пялясь на фургон, что стоял за сараем. Вагант, Дук и хозяйка подошли к нему.

– Что, друган? – спросил Бреси.

Кабан ткнул в фургон пальцем, повернулся к Барду и вопросительно сказал:

– А?

– Думаешь, это тот? – удивился Бреси и обратился к хозяйке: – Тетенька, это ваших постояльцев фургон?

– А как же, – откликнулась она. – Сами-то мы небогатые, у нас отродясь такого не было.

– И что за постояльцы?

– Да старик один, господин из города, и барышня молодая, внучка евонная.

– Ух ты! – сказал вагант. – А у барышни волосы не светлые ли?

– Ага, милоч. Беленькие такие.

Толстяк крикнул и затопал к дому.

– Вач! – позвал Бреси, но хозяйка сказала:

– А и пусть идет, пусть. Все одно вам в дом заходить. Берите пожитки свои, если есть. Сейчас брат мой выйдет, лошадь распряжет.

Дук только успел взять котомку, как Вач вылетел из дверей и проревел:

– Где? Женщина, старик! Где?!

Все трое заспешили к нему.

– Да что ж такое? – удивилась хозяйка. – Милок, что это с товарищем твоим?

– Где они?! – неистовствовал Вач.

– Он постояльцев твоих повидать хочет, – пояснил Бреси на ходу. – Мы... Мы вроде как знакомы с ними. Ну, не совсем...

– Да спят они, – объяснила хозяйка Вачу, проходя мимо него в дом. – Что ты разбушевался-то, милый? Устали с дороги, поели – и спать пошли в свои комнаты.

Вач устремился было к дверям, что вели во вторую половину дома, но Бреси вцепился в его локоть.

– Друган, да погоди ты! Ты что делаешь? Ежели они спят – так и пусть себе спят. – Он заскользил подошвами по деревянному полу, пытаясь остановить толстяка. – Ты пойми, они же господа, богачи, не бродяги какие! Кабан, ты что, собираешься ночью к молодой барышне в комнату сунуться? Она ж тебя и не видела никогда. Спужается и прогонит, и в слуги к себе не возьмет...

Доводы эти дошли до рассудка Вача, уже когда он грудью распахнул дверь. Толстяк замер, приоткрыв рот, и на лице его отразилось мучительное раздумье.

– До утра надо подождать, – добавил вагант, пытаясь увести его обратно. – Теперь-то они от нас никуда не денутся. Утром встанут, и мы встанем, и я им все разобъясню.

Вач постоял, затем сказал:

– Утро?

– Ну да, ну да. Давай, пошли.

Из кухни появился хозяин, одетый, как и его сестра, в мешковатую одежду с длинными рукавами. На голове была шапка с меховыми отворотами, сейчас опущенными и завязанными двумя веревочками под подбородком – так что виднелся лишь овал морщинистого лица да нос-картошка. И еще – край раны на левой щеке.

– Иди лошадь распряги, – сказала ему женщина. – Видишь, сколько гостей у нас.

Когда хозяин вышел, она добавила, обращаясь к рассаживающимся за столом путникам:

– Он молчаливый у меня совсем. За день может и слова не сказать, только кивает или руками машет, не удивляйтесь.

– Рана на щеке у него, – подал голос Дук. – Что случилось-то?

Женщина расставила на столе тарелки, принесла чугунок с похлебкой, чашки и краюху хлеба.

– На сук напоролся в лесу, – пояснила она. – Коза у нас с привязи сорвалась, он за ей погнался да и... Сильно как – я думала, все, помрет мой брательник. А после лекарь как раз мимо проезжал, так сказал, что рану заматывать нельзя, чтоб, значит, ее свежий ветер овевал – тогда, мол, быстрее затянется.

Бард Бреси возразил, разламывая хлеб:

– Это вам глупый какой-то лекарь попался. Рану промыть надо да завязать. А если ее свежий ветер беспрерывно овевать будет, так она от того, наоборот, загноиться может. Вот еще, тетенька, вспомнил я. Вы мне потом кафтан не залатаете? Прореха там на спине.

Когда все поели, хозяйка сказала, что остались свободными только две комнаты. Договорились про оплату, решили, что в одной будет спать Бард Бреси с Вачем, а во второй, угловой и самой маленькой, – Дук.

– Вы ж только смотрите, тетенька, чтобы господин с внучкой раньше нас не встали и не уехали, – сказал вагант, зевая. – Нам с ними потолковать надо обязательно.

Хозяйка отвечала:

– Если они ни свет ни заря поднимутся, разбужу вас. Но они ж богатые господа, навряд ли привыкли с солнцем вставать.

Подсвечивая лучиной, она провела в комнату сначала Вача с Бардом, а после и Дука, который на ходу внимательно разглядывал двери других помещений.

– Мамаша, ты мне свечку дай, – сказал Жиото, окидывая взглядом комнатенку, где из мебели были только кровать да табурет под закрытым ставнями окном.

– Так, может, плошку тебе?

– Не, мне поярче надо. Есть у тебя свеча?

– Есть-то есть, но они ж дорогие, милый.

– Вагант утром заплатит, – махнул рукой Дук.

Хозяйка принесла горящую свечу на глиняном блюде и поставила на табурете.

– Ты долго не жги, ложись побыстрее спать, – напутствовала она Дука. – А то не заметишь, как приснешь, свечу не погасишь – не ровен час, пожар мне устроишь.

– Ладно, иди себе, – сказал Дук, и хозяйка ушла.

Спать хотелось сильно, но лечь было нельзя. Жиото стащил с кровати одеяло, расстелил на полу и осторожно выложил содержимое котомки. Свечу поставил рядом, сел, поджав под себя ноги, раскрыл книжку и стал читать. Глаза слипались, несколько раз Дук ловил себя на том, что они закрываются сами собой, и голова начинает клониться подбородком на грудь. Он вздрагивал, моргал и тер веки кулаками.

Комнаты не заперты, двери тут не скрипучие... А все одно Кабан обязательно проснется, если попробую пройти к ним, размышлял Дук. Но он вызвал бы подозрения, если бы стал настаивать, чтоб его положили вместе с вагантом, а толстого – отдельно. Нужно подождать подольше, и уж потом... Он припомнил, как на телеге дремлющий Вач чуть что – тут же, открыв глаза, быстро оглядывался, и пальцы его при этом сжимались на топориче. Самое досадное, что жизнь Кабана, да и ваганта тоже, Дуку совсем не были нужны. Он хотел лишь добыть красный кафтан, вернее – кошель, пришитый, как он надеялся, до сих пор к его подкладке. Хотя и кафтан надо вернуть, дорогой ведь. Наверняка юнец кошель обнаружил, а дальше – куда его деть? Не в котомке же таскать такое богатство. Нет, он, скорее всего, вытащил несколько монет – в кошельке были не только драгоценности с камнями, но и обычные деньги, – а остальное вернул на место.

Дук закрыл книгу – все равно читать не получалось, – взялся за посох, взвесил его в руке. Трудное дело: зарезать Кабана, зарезать ваганта, чтоб хозяева не проснулись – а если проснутся, так и их тоже. Хотя они-то как раз не опасны. И еще старик с внучкой! – сообразил он. Что там за старик такой? Дук помнил, как белели волосы на голове одной из фигур, что стояла над ним, помнил и вторую фигуру... Этот человек ударил его кинжалом в спину, после стащил с тела капитана... Знать, не хилый господин и постоять за себя может. Правда, Песко Цветник говорил, что старик прихворнул, но ведь чар дал ему «травяной крови»...

Глаза Дука широко раскрылись, когда он вспомнил про снадобье. Ну конечно! Легкость, которая возникала в теле, это ощущение, что он не идет, но течет, бесшумно и быстро струится в пространстве... А еще Жиото понял, что все последнее время в глубине души жило желание хлебнуть снадобья. Ему хотелось «травяной крови», будто заядлому курильщику – табака.

Он тихо прошелся по комнате, раскрыл ставни и выглянул. Звездный свет озарял задний двор и деревья. Здесь, в доме, тишина стояла мертвая, а из лесу доносился то шелест листвы, потревоженной ветром, то уханье, то отдаленное подвывание – где-то в чаще бродили волки.

Дук моргнул, ухватился за оконницу и высунулся, вглядываясь в темень, что стояла под кронами, там, куда не проникал свет звезд. Почудилось, что в глубине между деревьями мерцает белесый огонек. Вот он исчез, вот возник вновь... Когда взгляд Дука уже нащупал его, огонек переместился и замигал

где-то сбоку. Жиото поглядел туда – и огонек словно бы метнулся в обратную сторону, чтобы вновь очутиться на краю той области темного пространства, которую Дук мог охватить взглядом.

С ветки на ветку перелетела ночная птица. Послышалось уханье. Огонек пропал. Жиото повернулся, прикрыл ставни. Свеча сгорела до половины, хотелось лечь прямо на полу и забыться сном. Он собрал бутылочки, сложил в котомку вместе с книгой. Котомку повесил на плечо – быть может, вскоре придется бежать с постоянного двора побыстрее, – открыл кувшинчик, встал на колени перед свечой. Поплевал на пальцы и затушил огонь. Дождался, когда плавающее перед глазами световое пятно померкло, отпил из кувшинчика, постаравшись, чтобы глоток был меньше, чем тот, который он сделал, когда уже убил чара, но и больше тех, которые позволял сделать Песко Цветник.

В этот раз сердце заколотилось не так прытко, будто уже привыкло к «травяной крови». Но звон зазвучал вновь, и Дуку померещилось, что он раздается не в голове: звенело все окружающее, стены, пол, потолок и воздух между ними, звенели красные искорки, что безумным роем замельтешили перед глазами. И тонко жужжали световые пятна, расплывшиеся по поверхности предметов вокруг. В этих пятнах на мгновение проступило что-то неясное, будто бы очертания чего-то, что обреталось позади всего, позади пространства, в котором они находились, – проступило и тут же исчезло.

Стараясь двигаться очень осторожно, Дук закупорил кувшинчик, сунул его в котомку, взял посох и поднялся.

Ноги распрямились, будто натянутый лук. Тело чуть не взлетело к потолку. Уши и лицо горели, словно от жара пылающей печи.

Дук крутанул в руках посох, повернулся из стороны в сторону, оглядываясь.

Стало светлее: все, что было вокруг него твердого, светилось само собой. Зеленоватое мерцание рождалось в глубине предметов и сочилось наружу, высвечивая внутреннюю структуру: ворсинки и нити одеяла, изгибы древесных волокон в бревнах стен. Дук направился к двери. Он вновь не шел, а скользил, тело не двигалось, но текло, булькая и клопоча, будто состояло из кипятка. Жиото махнул перед собой рукой с посохом – тот промелькнул стремительно, с тихим свистом рассек воздух.

Так у меня получится и Кабана прикончить, и всех остальных, – решил Дук.

Хотя теперь он, пожалуй что, смог бы протечь в комнату, где спали толстый с вагантом, не разбудив никого, взять кафтан и покинуть постоялый двор, никем не замеченный. Но зачем? Лучше убить их, чтобы не было погони. И кроме того, не идти же пешком. Следует впрячь Травку в телегу – или, еще лучше, лошадей, на которых приехали господа... И не в телегу, – зачем телега? – а в фургон! Лошади могут заржать, разбудить хозяев, да и гостей тоже. И еще, вдруг понял Дук, эти городские богатеи – они ж не с пустыми руками отправились в дорогу! Конечно, в кошеле много всего, но почему бы не прибавить к нему то, что наверняка есть с собой у старика? И барышня – если она из богатой семьи, значит, у нее должны быть драгоценности.

А хозяева? Неужто у них ничего не отложено на черный день?

Утвердившись в мысли, что следует порешить всех и обыскать дом, Жиото раскрыл дверь и перетек из комнаты в коридор. Здесь все светилося тем же зеленоватым светом. Хорошо, что двери без засовов и щеколд. Вот эта, ближняя слева, – за ней спят вагант с толстым. Дук помедлил, удобнее перехватил посох, прикидывая, как оно все может обернуться дальше: если заскрипит, надо сразу бросаться на Кабана и разить острием в сердце, если не заскрипит, подойти и аккуратно перерезать ему горло. Потом кончить ваганта, но и после этого не хвататься за кафтан, а бежать в соседние комнаты и резать остальных.

Он толкнул дверь – она не заскрипела – и перетек в комнату, посреди которой, положив голову на свернутое одеяло, разбросав руки и ноги, дрыхнул толстый. На кровати, свернувшись кренделем, обхватив себя за плечи и подтянув колени к груди, спал Бард Бреси. Вач был одет, а штаны, белая шелковая рубаша и красный кафтан ваганта валялись на полу рядом с его ботинками. Дук занес посох, струясь, как ручей, к Кабану, но услышал позади очень тихий, еле слышный шорох, плавно повернулся, скользнул обратно к двери, выглянул – и увидел спину человека, который волочил по коридору обмотанное одеялом и стянутое веревками тело.

Хозяин скрылся в дверях. Позади скрипнуло, Дук развернулся: Вач уже не лежал, сидел на корточках, сжимая перед собой топор.

Даже выпив снадобья, Дук Жиото не хотел сталкиваться с этим зверем после того, как тот проснулся. Услыхав, что дверь, ведущая из коридора во вторую половину дома, тихо затворилась, Дук поднес палец к губам и прошептал:

– Хорошо, что ты проснулся. Я как раз тебя разбудить хотел.

Толстый выпрямился, не опуская топор. Жиото очень ясно представил себе, как страшное лезвие врезается в его грудь, крушит ребра и отбрасывает назад...

Он осторожно прикрыл дверь, положил посох на пол и только после этого шагнул в глубь комнаты.

– Разбуди его побыстрее.

Кабан наконец опустил оружие. Подойдя к кровати, толкнул в плечо ваганта, а когда тот, всхрипнув, подскочил, зажал ему рот ладонью.

– Мы-мгуу!

– Тихо, – прошептал Дук. – Молчи.

Бреси кивнул, и Вач убрал руку с его лица. Юнец свесил ноги с кровати.

– Что случилось? – громким удивленным шепотом произнес он.

– Слушайте внимательно. – Дук сел рядом на кровати. – Я проснулся, сам не знаю чего. Наснилось что-то. Лежу, хочу обратно заснуть. И тут вдруг шум услышал из коридора. Тихо совсем. Вроде кто-то идет. Ну, я взял свой этот... Оружие взял, котомку – потому что непонятно же, кто там, вдруг бежать надо будет, – да и выглянул. А там...

– Что? – спросил Бреси.

– Да тише ты. В коридоре хозяин наш. И кто-то, в одеяло замотанный, а сверху веревки. Связанный, значит. Но не мертвый, потому что дергался, хотя слабо. Может, кляп у него во рту, чтобы кричать не мог? Хозяин его наружу утянул. Я думал – это кто-то из вас, вот и вошел.

– Ох ты... – прошептал Бреси и принялся одеваться. – Но мы-то на месте, друган. Выходит, это он сеструху свою потащил...

Дук возразил:

– Не, хозяйка ж пухлая, я б понял, что она.

– Так кто же это мог быть, если... – Бреси, натягивающий штаны, не договорил, застыл на одной ноге.

И одновременно Вач тоже понял. Оттолкнув плечом вскочившего Дука, так что тот повалился на кровать, он бросился к дверям, тяжело топоча босыми пятками по полу.

– Не шуми! – простонал вслед Жиото, но толстяк уже вывалился из комнаты. Хлопнула соседняя дверь, за ней вторая. Дук с Бардом, переглянувшись, бросились следом.

Все четыре комнаты – и хозяйские, и те, что заняли господин с внучкой, – были пусты.

– Да что же это такое! – изумился вагант. Вач тем временем распахнул дверь, что вела в зал, окинул взглядом темное помещение и бросился обратно за своими ботинками.

– Бард, ты ему скажи, чтоб он не ломился куда ни попадя, – торопливо прошептал Жиото юнцу, когда они оба встали посреди зала. – Он меня все одно не слушается, а тебя может послушать. Тут осторожно надо.

– Страсти-то какие, – согласился Бреси, впрочем, без особого испуга. – А мне они так понравились, такая тетенька добрая с виду.

«С виду и я добрый», – подумал Дук. Появился Вач. Жиото увидел на его плече кожаную сумку, которую перед тем заприметил в одной из комнат; он тогда решил, что это комната, которую занял старик, и, значит, в сумке находится то, что господа захватили с собой в дорогу. Бард зашептал:

– Друган, ты не шуми! Иди сюда. Тут осторожно надо, понимаешь?

Толстяк, собравшийся, кажется, выскочить во двор, остановился, подумал немного, мотнул головой и потопал к дверям – но все же несколько медленнее, чем раньше.

Втроем он вышли во двор – здесь было пусто.

– Бандюги, – сказал вдруг Вач, и вагант встрепенулся.

– Что? Где, где они?

– Не! – Вач помолчал, пытаясь облечь мысль в слова. – Хозяева – бандюги. Кто у них живет – грабят. Режут. Закапывают... – он вновь умолк и махнул рукой. – В лесу. Почему осторожно? Двое, старики. Слабые. Я их побью. – И Вач решительно потопал в обход дома, так что остальным двоим ничего не оставалось, как идти за ним.

Они миновали двор, и как только вступили в лес, впереди мелькнул огонек. Вач, захрустев ветками, рысцой побежал между деревьями.

– А у меня и оружия нет, – пожаловался Бреси на бегу. – Дук, у тебя, может, ножик какой найдется?

– Нету ножика, – сказал Дук. – Ты помолчи. Не нравится мне это все. Не простые разбойники наши хозяева. Все, теперь тихо!

Огонек стал ярче, и Жиото с вагантом повисли на плечах Вача, заставив его остановиться. Что-то совсем непонятное творилось впереди: навстречу ползли клубы сине-зеленого гниlostного света, обтекали деревья и земляные горбы, скапливались в низинах. Донеслось уханье, а затем кто-то вскрикнул.

Вач вдруг преобразился. Раньше он напоминал малоумного, рвущегося в бой лесного кабана, а теперь будто бы стал змеей. Опустившись на четвереньки, выглянул из-за ствола дуба, сунул топор за спину, лег и пополз. Дук с Бардом вновь переглянулись и последовали примеру толстяка. Свет стал ярче, хотя слово «ярко» плохо соотносилось с той странной, неприятной для взгляда субстанцией, что катилась между деревьями.

Они ползли. Клубы света двигались навстречу, а деревья росли все чаще. Бреси тронул Дук за плечо, привлекая внимание к пяти слипшимся стволам, которые образовывали что-то вроде толстой бугристой стены.

– Это что такое? – прошептал вагант, когда, обогнув странные деревья, они обнаружили впереди множество стволов, растущих попарно и по трое.

Вач приподнялся, упираясь ладонями в землю.

– Пещера.

– Чего? – не понял Бреси. – Какая пещера?

– Дубовая. – Кабан пополз дальше.

Деревья были со всех сторон, Дук Жиото и не подозревал, что они могут расти так часто. Земли не стало видно из-за бугрящихся корней. Приходилось извиваться, чтобы проползть между древесными горбами. Толстые ветви переплелись над головой, скрыв небо, куда-то подевались и листья, и мох, и трава с кустами – теперь со всех сторон было только дерево. Впереди опять раздался крик – кричал мужчина, – и послышалось совиное уханье.

Вач, кое-как извернувшись, прополз в узкую прореху между стволами. Больше двигаться было просто некуда, Бард и Жиото очутились словно в узкой кладовой с извилистыми стенками, состоящими из коры. Лишь проход, где скрылся толстяк, вел наружу. Дук затравленно огляделся. Его внезапно посетило ощущение, что деревья смыкаются вокруг, пространство уменьшается, со всех сторон на него движется нечто твердое и тяжелое, давит на грудь и вот-вот раздавит, и, не в силах вздохнуть, всхлипнув от ужаса, он юркнул в прореху.

Стало светлее. Громкий голос произнес что-то на незнакомом языке, потом кто-то заухал. Вач лежал за огромным корнем, и Жиото упал возле него. Позади из прорехи выбрался Бреси, лег рядом. Юнец и Жиото приподняли головы, выглядывая. Несколько мгновений они смотрели, не в силах осознать то, что видели их глаза: здесь, в лесу, действительно была пещера, настоящая пещера – но деревянная.

Словно они попали внутрь выдолбленной в дереве корзины, накрытой крышкой из плотно переплетенных веток. В центре плескалось круглое озерцо гнилостной зелено-синей мути, свет расползлся от него, огибая горбы корней и скапливаясь во впадинах. Своды – сучья, прилегающие друг к другу, как в вышивке гладью, – полностью скрывали небо. С них свисали лохматые лианы.

– Хозяйка, – прошептал Бреси. – Это же она!

Женщина, облаченная сейчас в длинную хламиду, стояла на краю озера, воздев руки. Посередине водоема возвышался деревянный алтарь, образованный сросшимися корнями, и на нем лицом вверх лежал человек. Растения неведомой породы возвышались слева и справа – не то стволы, не то мясистые стебли, увенчанные бледными бутонами. Дук Жиото не мог понять, что это, низкорослые деревца или огромные цветы.

Вач пополз, но не прямо к озеру, а наискось, к зарослям. Он теперь двигался крайне осторожно, бесшумно перебирался от корня к корню. Дук подумал, что толстый выглядит так, будто раньше уже сталкивался с чем-то подобным – и не один раз.

Огромные цветы источали резкий аромат, от которого кружилась голова. Добравшись до зарослей, все трое встали и пошли между стеблей, тихо шелестя мохнатыми лианами, свисающими до пола. В глубине зарослей зашуршало, захлопали крылья. Раздался шелест, похрустывание – но никто так и не появился.

Раздвинув крайние стебли, Дук уставился на озеро. Только сейчас он понял, что это не вода, но твердая круглая площадка, что-то вроде зеркала, переливающегося изумрудными и синими оттенками. Над ним плескался гнилостный свет. Вокруг зеркального круга стволы и лианы переплелись, образовали сплошную стену от пола до невидимых сводов.

Теперь стало понятно, что на алтаре лежит полуголый старик, привязанный веревками к корням. Восприятие Дука еще не утратило остроты, возникшей после того, как он хлебнул «травяной крови», – Жиото различал, что вместе с клубами света над озером дрожат, извиваются в корчах какие-то неясные сущности. Ни Кабан, ни Бреси, кажется, не видели их, хотя... Толстый, быть может, видел?

Дук боялся вздохнуть. Зеркало было напитано болью, а в мутной синеве отражались сущности всех тех, кого хозяева постоянного двора убили здесь. Беззвучные стоны плескались над зеркальным кругом, вязли в мохнатых лианах и тихо колыхали лепестки цветов. Провалы ртов и пустых глазниц зияли в горячечном кошмаре, окутывающем изумрудную площадку. Эхо чужой боли забило в голове Дука, и он зажал рот ладонью, чтобы не вскрикнуть.

Старик на алтаре застонал, но звук не отразился эхом и тут же смолк, будто проглоченный дубовой пещерой. Ведьма, стоящая в его ногах, заговорила на незнакомом языке.

– Вагант, ты ее понимаешь? – спросил Дук сквозь пальцы.

Бард Бреси хрипло прошептал:

– Алманский язык. Древний. На нем аптекари рецепты записывают, нас в семинарии учили, но я плохо знаю.

– Что она говорит?

Бард прислушался.

– Призывает кого-то.

– Призывает?

– Она... Сейчас, погоди... Это вроде стихов. Огненные машины приближаются к... к миру. Огненные колеса стучат в мое сердце. Но они далеко и будут не скоро. Открою дорогу... Открою дорогу прямую, чтоб пришли они быстрее.

– Что это значит... – начал Жиото, и тут позади озера появился хозяин. Одетый в такую же, как у ведьмы, хламиду, он за волосы тащил молодую женщину. Волосы были светлыми. В другой руке он сжимал топор, но не как у Кабана, а с коротким топорищем и округлым лезвием.

– Вач... – начал Бреси.

Толстяк повернулся, ткнул в сторону ведьмы пальцем и буркнул:

– Погодить надо. Если сейчас на нее... Не слажу.

– Что он говорит? – прошептал Дук.

Бреси, дольше общавшийся с Вачем и успевший привыкнуть к его манере изъясняться, перевел:

– Говорит, эта ведьма сильная, если он сейчас с ней начнет драться, она его одолеет. Так что же делать, друган?

– Погодить, – повторил Вач, удобнее перехватывая топор.

Дук уже не слушал его – он смотрел на лицо хозяина. Тот снял свою шапку, и по плечам рассыпались черные, блестящие от масла косы. Рана на левой щеке пылала, в воздухе от нее расходились золотые круги.

Шаман швырнул женщину около алтаря и что-то сказал ей. Пленница закричала. Ни Вач, ни Бард ничего не увидели, но Дук ощутил, как черный ужас пополз от нее во все стороны. Будто в ответ по зарослям пронесся шелест, послышалось уханье. Хозяин высоко занес топор и ударил по ноге того, кто лежал на алтаре.

Дук различил алую дымку, что плеснулась от старика, – его боль. Она смешивалась со страхом женщины, и все это напоминало пожар: красные всполохи страдания сквозь дымные клубы страха. Из-за их насыщенности Дук Жиото ощутил рвотный позыв и согнулся, схватившись за живот.

Клубы гнилостного света заплескались, беззвучные крики мертвецов наполнили пещеру. Ведьма вытянула перед собой руки, в одной был нож с лезвием в форме

полумесяца.

От раны на щеке шамана пошел дымок – она горела, кожа вокруг плавилась. Ведьма исступленно заухала.

Черное и красное стянулось к лицу шамана, смешалось с золотым сиянием, исходящим от щеки. Ведьма шагнула к нему и ткнула ножом в рану – шаман не сопротивлялся. Кровь брызнула сквозь пелену, но очень медленно: струя повисла в воздухе, расширяясь и удлиняясь. Головы шамана уже не стало видно, ее место занял клуб плотной темной субстанции. Струя изогнулась и закружилась; потом все это распалось на части, обратившись очень крупными, размером с кулак, сгустками крови. Они парили, толкали друг друга мягкими боками. Тело шамана стояло неподвижно, вместо головы его был шар из сгустков.

По круглому зеркалу пробежала рябь, плеснулся гнилой свет. Он стянулся в сине-зеленую струю, которая ударила туда, где смешались кровь шамана, боль и страх жертв. Пространство там свернулось, как прокисшее молоко. Дрожа и переливаясь всеми оттенками красного, сгустки кружились, образовав то набухающий, то съеживающийся шар над застывшим, как статуя, колдуном. Вдруг сгустки в центре шара задержались, задрожали и устремились прочь, превратившись в стенки туннеля огромной протяженности – начинаясь от широкой каемки по окружности шара, туннель этот пронзил границы пространства, вытянулся, казалось, на бесконечные лиги. В дальнем его конце висела смолисто-черная густая тьма. Оставляя за собой струи пламени, там летели какие-то машины, парили горизонтально огненные колеса, шевелились крылатые тени.

Ведьма, бешено ухая, упала на колени, вытянув руку с ножом к горлу женщины, которая сжалась под алтарем. Вач метнулся вперед и выскочил на зеркальный круг.

Дука мало интересовали богатеи из города, но на плече толстого висела сумка старика. Жиото бросился за Вачем. Изумрудная поверхность оказалась очень скользкой, ступни толстяка разъехали. Он упал на четвереньки, подрубил ноги шамана, тут же вскочил и увидел, что ведьма с ножом наступает на него. Шаман взвыл, и стенки туннеля, состоящие из бесчисленных красных комков, изогнулись.

Туннель стал смещаться, чернота с огненными машинами, в которую он вел, исчезла, мелькнули горы, долина – словно противоположный конец туннеля опускался и наконец вгрызся в землю. Там полыхнул багровый огонь, затем возникла каменная стена.

Вач, вспрыгнув на алтарь, обрушил топор на ведьму, но та успела отпрянуть, и лезвие прорубило ее плечо. Ведьма упала, клопоча, будто птица. Кривой нож зацокал по зеркалу.

В зарослях вокруг зашумели крылья.

Туннель сломался, и каменная стена в его конце оказалась прямо перед Дук. Кровяные сгустки напоминали алые камни, из которых складывались стенки туннеля. Они дрожали и осыпались – проход разрушался. Оглянувшись, Дук увидел, что Вач расправляется с ведьмой, а Бresi, подхватив ее нож, перерезает веревки, которыми привязан старик. Светловолосая женщина неподвижно лежала под алтарем.

Из зарослей летели совы, с их крыльев сыпались сине-зеленые искры. Одна из птиц впилась когтями в плечо Вача, он отбросил ее ударом кулака, подхватил на руки женщину, огляделся – колдовские птицы летели со всех сторон – и прыгнул в остатки туннеля. Его фигура мелькнула между осыпающихся красных комков. Бresi поволок старика следом.

Вскинув посох, Дук попятился. Мертвая ведьма лежала у алтаря, шаман стоял на коленях. Теперь ближний конец туннеля сместился, показав его голову. Рана расползлась, заняла все лицо, там не осталось видимых черт. Заросли вокруг шевелились, дрожали мясистые стебли, извивались, будто змеи, мохнатые лианы. Дук ткнул острием сову, несколько других налетели на него, он отпрянул, споткнулся и полетел спиной назад.

Глава 4

– Так вы знали Геба? – повторила Лара.

Они расположились на широком выступе, гораздо ниже уровня поверхности – полоса серого неба виднелась высоко над головой. Здесь росли редкие карликовые деревца, чахлый кустарник и трава: по склону иногда осыпалась земля, и за множество лет образовался слой почвы, пригодный для растительности. Даже если хорошенько разбежаться, до противоположной стены Разлома не допрыгнешь. Впрочем, и места для разбега не было.

– Я-то не знал, госпожа, мы не знакомы были, нет, – откликнулся Бард Бреси. – Я его увидал, уже когда он мертвяком был, тело только одно, в котором души совсем и не осталось... – он умолк, заметив, каким взглядом она смотрит на него.

Лежащий поодаль Жерант Коско закричал, и Лара бросилась к нему.

– Что ты делаешь?!

Стоящий над стариком Вач прижег факелом отрубленную чуть ниже колена левую ногу раненого.

– Прочь! – Лара оттолкнула Вача и упала на колени рядом со стариком. Жерант дергался, мотая головой, потом глаза его закатились. Кабан отступил.

Дук Жиото и вагант подошли к ним, разглядывая потерявшего сознание господина. Лара плакала. Вач швырнул факел со склона, взялся за топор и направился к растущим дальше деревцам.

– Госпожа, он все правильно сделал, – сказал Дук.

Ларе этот тип со шрамом вокруг глаза отчего-то сразу не понравился. Нет, он вовсе не был уродлив, но в чертах его лица, с виду вполне обычных, присутствовало нечто неприятное. Трое незнакомцев спасли ее с дедом, но – что они за люди? Угрюмый краснорожий толстяк, юнец одного с Ларой возраста, и этот... Она спросила у Дука:

– Где ты взял куртку?

– Выменял у сельского чара, – сказал Дук. – Я, госпожа, понимаете, травы всякие собираю, и у меня оказалось кое-что, ему позарез нужное. Вот и обменялись.

– Это куртка деда. Отдай ее, – приказала Лара.

На лице Жиото мелькнуло недовольство – и тут же исчезло. Со смиренным выражением он стащил куртку и накрыл ею Жеранта. Лара спросила:

– Что нам теперь делать?

Поскольку Вач был не горазд разговаривать, а Бреси болтал, наоборот, много, но бестолково, Жиото решил, что отвечать ему.

– Мы в Разломе, госпожа, но не знаем, в какой его части. Ваш замок... Вы ведь шли к замку? Далеко ли он от Разлома?

– Я не помню. Дед! – она склонилась над стариком. – Ты слышишь?

Он лежал неподвижно, лишь веки подрагивали.

– Если б осталось то снадобье, которое дал чар! – воскликнула Лара.

Дук закивал и, с жалостью глядя на полумертвого от боли господина, произнес:

– «Травяная кровь», да. Она б вашему дедушке сейчас очень бы помогла, госпожа. Мы как до замка доберемся, так можем отрядить кого-то в то селение за ней. Но где он, замок-то? Это колдовство нас забросило невесть куда.

– Если мы поднимемся наверх, то, может быть, я смогу узнать места.

– Ну так давайте подниматься, госпожа. Тут и есть совсем нечего.

– А дедушка?

– А вон, глядите, Вач наш уже все сделал.

Пока они разговаривали, толстяк срубил несколько деревьев и соорудил из них волокушу. Мужчины приподняли старика, положили на сплетенные между двумя стволами ветви. И хотя двигались они осторожно, бережно поддерживали

раненого под голову, Лара все равно отвернулась от них, даже отошла к краю выступа. Плечи ее вздрагивали. Она поглядела вниз: наклонные стены Разлома где-то далеко должны были смыкаться, но тусклый дневной свет не проникал туда.

Сзади донесся голос того из троих, у которого было простецкое и одновременно хитрое, неприятное лицо:

– Идемте, госпожа. Вач вашего дедушку поволочит.

Через некоторое время Дук Жиото заметил:

– А ведь это навроде тропы. Значит, тут живет кто-то.

Он шел первым, за ним брела Лара, следом Вач тянул волокушу, позади всех топал вагант. По правую руку высилась стена Разлома, слева распростерлась пропасть.

– Вон там ступени выдолблены, а вот в земле следы. Только странные какие-то, вроде нечеловеческие.

Полоса неба над головой становилась шире. Дук шел осторожно, внимательно глядя под ноги, и обдумывал, что делать дальше. По всему выходило, придется теперь идти вместе с остальными, дожидаясь случая завладеть сумкой, висящей на плече толстого. Хотелось хлебнуть «травяной крови» – но доставать ее из котомки при всех нельзя. Эта госпожа... Эх, жаль, что толстый здесь! Она с виду была еще почти ребенком, с кукольным невинным личиком. В веселых домах Форы, куда Дук иногда захаживал, такие не водятся.

Жиото остановился, увидав обширный пролом – край каменной полки виднелся далеко впереди и выше. К нему вели вбитые в стену толстые клинья-ступени.

– Ну точно, кто-то здесь ходит, – сказал Дук, не оборачиваясь. – Вы теперь осторожнее.

Он шагнул на первый клин, переставил ногу на второй, придерживаясь за стену ладонью. С середины лестницы быстро глянул назад. Лара шла за ним, лицо ее

побледнело.

Когда они достигли полки, Вач взял старика на руки и затопал по клиньям. Дук не успел удивиться, как толстяк уже был рядом. Все трое поглядели на Барда Бреси.

– Давай! – прокричал Жиото. – Возьми волокушу и сюда.

– Ты что, я не могу! – донеслось в ответ. – Я и без волокуши не пройду!

– Да они крепкие. Вач с господином на руках прошел – так тебя точно выдержат.

Эхо подхватило крик, унесло в глубину Разлома, чтобы через некоторое время выплеснуть обратно бессвязные отголоски.

Вагант прокричал несчастным голосом:

– Да не в том дело! Я... боюсь высоты!

Вач сказал Дуку: «Держи», передал ему старика и зашагал обратно. Донесся тонкий вопль Бреси, когда толстяк, ухватив юнца за бока, взвалил его на одно плечо, на втором утвердил волокушу и вновь стал преодолевать лестницу.

– Друган, ты что творишь! – надрывался вагант, дергая ногами. – Ай, прекрати, да что же ты это!

Вач достиг полки в тот миг, когда снизу донесся гул. Все отпрянули от края, толстяк, бросив волокушу и Барда, схватил госпожу и прижал к стене. Лара что-то протестующее крикнула, но Вач не слушал. Когда стена затряслась, вагант и Дук распластались на камнях.

Застучали, падая вдоль склонов, камешки, зашуршала осыпающаяся земля. Во тьме, что окутывала дно Разлома, плеснулся багровый свет, озарив неровности камня и трещины – через них, тихо kloчoca, лезло что-то раскаленное, красно-желтое. Забулькали, набухая и лопаясь, пузыри.

На узкой полке было не развернуться. Дук лежал так, что голова выступала над краем. Снизу поднялся горячий воздух, сквозь дрожащее марево Жиото разглядел громоздкие, окутанные огненными завихрениями фигуры. Глаза заслезились от жара, Дук заморгал. Гул смолк, лениво колышущееся раскаленное вещество втянулось под камни, и багровый свет исчез вместе с фигурами.

Чуть позже перестали дрожать склоны. Жиото стряхнул с волос землю и встал.

– Страсти какие, – произнес Бард Бреси чуть ли не с восторгом. – Шаман с ведьмой, Разлом, а теперь вот... Дук, друган, ты видел? Кто это там был внизу?

– Я же говорил – кто-то здесь живет, – ответил Дук, отирая ладонью лоб. – Давайте побыстрее выбираться.

Вач, отпустив Лару, шагнул к краю полки и уставился на что-то, оставшееся позади путников.

– Друган, ты куда смотришь? – спросил вагант, но Кабан не ответил.

* * *

Кроны деревьев качались на ветру. В чистом холодном воздухе хорошо было видно все на много лиг окрест.

– Мы неподалеку от замка, – сказала Лара.

Разлом остался позади, лес Аруа темнел справа, между ним и горами Манны простиралась холмистая равнина. Горы напоминали скелет огромного дракона, скальные ребра параллельными дугами спускались от далекого хребта. Южные отроги заросли хвойными лесами, на северных белели проплешины снега. Три конические вершины, вздымающиеся над грядой, были покрыты ледниками. В низкогорьях, полого тянувшихся от равнины к склонам, между еловыми рощами виднелись свинцовые пятна озер.

– Я бывала здесь, – сказала Лара. – Отец нас сюда возил, чтобы показать Разлом.

– Батюшка ваш в замке дожидается? – спросил Дук, и Лара метнула на него злой взгляд.

– Он умер давно от чумы. В замке тетки с мужьями и... Не твоего ума дело! Нам туда, – она показала вдоль предгорий.

Дук вновь пошел впереди всех, за ним Лара и вагант, следом Вач, тянувший волокушу с так и не очнувшимся стариком.

Бард Бреси старался держаться возле Лары. Вагант с досадой замечал, что она совсем не обращает на него внимания. А вот Бреси на нее обращал, еще как обращал. Ему нравилась эта женщина. Настоящая госпожа, не то что девки из веселого дома. Нет, они были с Бреси милы, но подшучивали над ним, а госпожа – нет. Серьезная такая и грустная. Хотя в тех редких случаях, когда Лара замечала присутствие ваганта и что-нибудь говорила ему, в ее взгляде и голосе не было надменности. Наверное, она примерно одного с ним возраста, может, совсем немного старше. Но я же опытный, думал он, я жизнь знаю, а она... из богатой семьи, что она видела? Надо ее опекать, советовать, что делать. Вач – он, конечно, защитить может, если что, но ничего другого не умеет. Вот разве подраться с кем да через пропасть перенести... Надо же было так струхнуть! Бреси смущенно потер переносицу. Жаль, госпожа видела, как Вач схватил его в охапку и потащил по тем клиньям. Да еще и вместе с волокушей. Надо будет объяснить ей, что на самом деле он не испугался, просто не привык к высоте, голова закружилась. Объяснить, что у него другие достоинства имеются. А ведь было в том послании на деревяшке намалевано: «У нее будет мой ребенок», – невпопад вспомнил Бреси. Значит – никакая она не... неопытная девочка. Он ощутил укол ревности. И к кому? К мертвецу!

Лара быстро устала. Полоса Разлома еще виднелась позади, когда она остановилась и произнесла:

– Погодите.

– Вы бы оперлись о мою руку, – рискнул предложить Бреси. – Я вот совсем не утомился, я вам запросто помогу... – но она покачала головой и села на землю.

На самом деле Бард тоже устал, да еще и есть хотелось так, что желудок скрутило.

Дук Жиото украдкой дожевал черствый хлеб, завернутый в тряпицу кусок которого он нашел в своей котомке, и повернулся к ним. Оставив волокушу, Вач подошел ближе и предложил:

– Могу понести.

– Не надо, – сказала Лара. – Сейчас пойдем дальше.

– Далеко нам еще, госпожа? – спросил Жиото.

Она оглядела равнину. Скалистые предгорья напоминали лежащие на земле, местами поросшие мхом кости гигантского зверя.

– Я плохо помню. Нет, кажется, недалеко. Скажите... – она ненадолго задумалась над тем, к кому обратиться. – Ты, вагант, скажи, что с нами делали эти двое? Там, в лесу? Я проснулась, когда в рот всунули тряпку, а голову накрыли мешком. Потом куда-то долго тащили, и только в тех страшных зарослях...

Бреси, стараясь выглядеть рассудительным и много знающим, произнес:

– Это шаман дикий был и ведьма, я точно знаю. А та пещера у них для ритуалов, госпожа.

– Но что они делали? Как мы из леса попали в Разлом?

Бард растерянно замолчал.

– Так ведь магия, госпожа, – вступил в разговор Дук. – Кто ж в ней разберется, кроме чаров да шаманов с ведьмами?

– Дромос, – сказал Вач, и Лара повернулась к нему.

– Что ты говоришь?

– Дромос. Проход.

– Какой проход?

Толстяк, пожав плечами, проворчал:

– Идти надо. Темно скоро. Волки. Или медведи. – Он махнул рукой сначала в сторону леса, а после на горы. – Пошли. Не можете – я понесу.

Лара покачала головой и встала.

Когда они добрались до вершины широкого холма, Лара спотыкалась и чуть не падала. Она не захотела опираться на руку Дука Жиото, но не отвергла помощи Барда Бреси. Вагант порозовел от гордости.

– Узнаю эти места, – сказала она, оглядев окрестности с вершины. Впереди далеко в равнину вдавалась большая каменная осыпь, след когда-то сошедшего с гор и давно растаявшего ледника. – За ней наш замок. А вон, видите...

– Домики, – сказал Вач, поднял волокушу со стариком и заспешил вниз по отлогому склону.

– И вправду селение, – обрадовался Бард. – Дук, друган, ты видишь? Хоть поедим чего...

Они достигли подножия, и тут старик, с самого Разлома не подававший голоса, что-то простонал.

– Дед! – Лара бросилась к нему, заставила Вача отпустить волокушу и склонилась над Жерантом. Лицо того было серым, глаза запали.

– Перо, – прохрипел он, глядя на внуку почти бессмысленным взглядом. – Перо дай. Чернила.

– Бредит он? – участливо спросил Дук, подходя ближе.

– Пергамент... – сказал Жерант.

– Зачем тебе? – спросила Лара, чуть не плача. – Ты что-то написать хочешь?

Сухие морщинистые губы, ставшие такого же цвета, как и пепельная кожа вокруг них, шевельнулись. По щеке потекла слеза. Жерант кивнул.

– Писать.

– Идемте к этой деревне быстрее! – заторопилась Лара, выпрямляясь. – Как тебя... Вач, тyani дальше!

Толстяк повернулся к Бреси и приказал:

– Ты тyani.

– Почему? – удивился тот.

– Тyani! – Вач подтолкнул его к волокуше и сказал Дуку: – Охраняй.

– А ты куда? – спросил Жиото.

– Гляну.

Он взглянул на Лару, на Дука и заспешил к хижинам, крыши которых виднелись далеко впереди.

– Это он на разведку пошел, – пояснил Бреси, хватаясь за волокушу. – Дук, друган, помог бы ты мне...

Жиото проследил взглядом за кожаной сумкой, удаляющейся вместе с толстым, и ответил:

– Ты сам тащи, мне ж вас охранять надо.

Теперь они шли медленно: вагант был куда слабее Вача. Пологий холм остался позади, оползень приблизился. Толстяк давно скрылся из виду. Лара несколько раз вздыхала, словно хотела что-то спросить и не решалась, и наконец

заговорила:

– Этот Вач странный какой-то. Молчит все время, а если говорит, то мало совсем и так... будто рывкает. Почему он такой?

– Вач – он не злой, госпожа, – пропыхтел тяжело дышащий Бреси. – Мы с ним друзья давно, я его хорошо знаю. Он просто разговаривать не горазд. Такой вот человек. Не умеет говорить. Зато, если разобраться, он один вас в той пещере спас. Смелый он, отчаянный. У него, понимаете, такая натура – он служить кому-то должен. Ему нужно, чтоб кто-то им командовал, говорил ему, что делать. Нет, когда драка какая, так он и сам может, но ведь не все время ж драки, правда?

– Он раньше служил Гебу?

– Ну да. То есть он в страже был, а этот Геб у него, значит, капитаном.

– И потом Трилист приказал ему мне служить?

– Так и есть, госпожа. А я решил помогать ему, чтоб он какую глупость не сделал. Вач на меня полагается, слушается меня. А теперь и вас будет слушаться, правда, Дук?

– А как же, – откликнулся тот, кивая. – Все правильно говоришь, друг.

Жиото был озабочен и расстроен. Госпоже он не пришелся по душе, а почему – неясно. Как бы сделать так, чтобы она обратила на него внимание? Нет, конечно, теперь Дуку хозяин не нужен, он теперь богач и сам скоро слуг заведет, вот только надо заполучить обратно кафтан с кошельком. Но все одно – мальчишка явно нравился Ларе больше, а это неприятно.

– Почему тогда Вач и дедушку не спас? Почему позволил ему ногу отрубить?

Дук с любопытством взглянул на ваганта.

– Тут сложно объяснить, госпожа, – неуверенно начал Бреси. – Он, понимаете... Мне так показалось, что он ведьму с шаманом раньше видел. Ну, может, не этих

самых, с постоянного двора, а каких других... Но, в общем, знает их повадки. У них же магия, госпожа, с магией и самый ловкий боец не всегда справится. Так вот он выжидал, чтоб напасть. Когда они своим ритуалом так озаботятся, что про все вокруг забудут. Тогда и напал. И еще, госпожа, капитан ведь ему приказал вам служить, а не дедушке вашему.

Лара, выслушав Бреси, задумалась. Из-за оползня показался Кабан и заспешил к ним.

– Не идите, – произнес он, подбегая.

Вагант положил на землю концы волокуши и спросил:

– А чего не идти?

Старик что-то забормотал, и все, кроме Вача, склонились над ним. Лара села на землю, погладив спутанные седые волосы на голове Жеранта, подняла лицо к толстяку.

– Что ты там увидал? Почему не идти?

– Плохо, – сказал Вач. Он с сомнением поглядел на ваганта, окинул взглядом окрестности, будто проверяя, не прячутся ли где-то поблизости враги, и ткнул пальцем в Дука. – Ты. Идем. Вы здесь стойте. А ты... – толстяк показал на Барда. – Гляди, чтоб не напали.

– Чтобы кто не напал?

Вач помолчал, затем махнул рукой.

– За нами идет. Один.

– Кто идет?

– Не знаю. От самого леса.

И заспешил обратно к селению. Дук сказал: «Вы тогда подождите нас, госпожа», – сделал шаг следом, и тут слабые пальцы ухватились за его штанину. Он глянул вниз – рука старика упала на траву, и тихий голос произнес:

– Чернила принеси. Пергамент.

Селение состояло из пары десятков беспорядочно расположенных домов. Увидев первый труп, Дук уразумел, почему Вач не хотел, чтобы госпожа шла с ними. Мертвец висел в расщепленном стволе обгоревшего дерева, одежда на нем обуглилась – вместе с кожей.

Большинство домов остались целыми, но несколько сгорели. Где-то с заунывным скрипом качалась и хлопала ставня. Хижины явно были пусты; когда Дук громко позвал: «Эй! Живые есть?» – никто не откликнулся.

Они медленно шли по усеянной мелкими камешками земле, Вач не снимал ладони с торчащего над плечом топорща.

– Вон еще один, – произнес Дук, углядев возле хижины второй труп. Подошел ближе, заглянул в синее подпухшее лицо. Лежащий навзничь крестьянин обеими руками держался за свою шею.

– Посмотрим, что там, – предложил Дук и толкнул дверь.

Он замер, разглядывая тех, что были внутри. Вач, сопя, протиснулся мимо него, окинул взглядом полутемную комнату.

– Четверо их тут, – сказал Дук. – А, не, вон еще один, под столом.

Кабан двинулся дальше по улице. Жиото, стараясь не дышать носом, вошел в комнату, перешагивая через трупы, добрался до стола и заглянул в стоящую на нем глубокую миску. Увидев, что посуда пуста, разочарованно плюнул в нее и пошел обратно.

На середине селения возвышался дом в два этажа, окруженный изгородью с выломленной калиткой. У изгороди лежало еще несколько тел. Вач переходил от одного к другому, склонялся и разглядывал их. Когда Жиото приблизился,

толстяк повернулся к нему, ухватил себя рукой за шею, слегка сжал.

– Все удушенные? – понял Дук.

Вач махнул рукой на амбар, видневшийся за домом.

– Давай. А я в доме пока, – ответил Жиото.

Он прошел через распахнутую дверь, оглядел первый этаж. На кухне и в кладовке наверняка имелось съестное, но вдруг наверху остались какие-то ценности? Следовало поискать, пока толстый не вернулся, и Дук заспешил туда.

Скорее всего, дом принадлежал чару или сельскому старшине. Особого богатства не наблюдалось, но все же и мебель здесь какая-то была, и шерстяные одеяла на широкой кровати, и даже драный ковер на полу.

И два трупа, женский и мужской, на кровати под одеялами.

Вдоль стены стояли три объемистых сундука с откинутыми крышками. Дук, подходя к ним, уже заранее знал, что внутри ничего стоящего не окажется – и не ошибся.

Ставня в окне, поскрипывая, качалась на ветру, иногда громко хлопала. Он откинул одеяло, оглядел хозяев – оба голые, у обоих кровоподтеки на шеях – и обошел кровать. Позади был низкий стол и табурет, на столе лежала курительная трубка, мутное зеркальце в деревянной оправе, стоял заткнутый тряпицей глиняный пузатый пузырек, валялись сломанные перья и пергамент. Вспомнив, о чем просил старик, Дук взял пузырек, потряс – внутри булькнуло. Он собрал все, что было на столе, засунул в котомку и стал спускаться. На середине лестницы услышал шаги, выставив перед собой посох, сбежал по ступеням и увидел спину Вача, маячившую в раскрытой двери кладовой.

– Это ты... – пробормотал Жиото.

Толстяк оглянулся на Дука и залез в кладовку. Пошуршал там и выбрался, сжимая связку вяленой форели и плетеную бутыл.

Перекинув связку через плечо, он вопросительно ткнул пальцем вверх.

– Двое там, – сказал Жиото. – Хозяин с хозяйкой, мертвые. В кровати лежат, задушили их тоже. Это что значит? Ночью на селение напали. Только не пойму я – что за разбойники такие, которые всех душат?

В кухне нашлось еще вяленое мясо, краюха хлеба, а в печи – чугунок с холодной похлебкой.

– Идем назад, – решил Жиото, засовывая в котомку несколько деревянных ложек. – Поесть хватит, а госпожа говорила – до замка ихнего уже недалеко. Ты сказал, нас преследует кто-то? От самого леса? Как такое может быть? Он что, за нами через тот туннель успел пройти?

Пожав плечами, Кабан вышел из дома. Дук, обеими руками неся перед собой чугунок, последовал за ним.

Когда селение осталось позади, Жиото сказал, поглядев на толстяка:

– А ты молодец, друг Вач, смелый. Я вот тоже мертвяков не боюсь. Потому как если он мертвый – так чего его бояться. Он же не шевелится уже. Это живых опасаться надо, а мертвяк – он ходить не может, ничего тебе не сделает...

Вач что-то буркнул.

– Что, друг? – спросил Жиото.

– Может, – повторил Вач.

– Чего «может»? А, ты про... Ну, если его некромаг какой поднимет – тогда конечно. Но все одно. Мы с тобой, Вач, не боимся их, правда? Я думаю, мы с тобой всякие дела могли бы делать. Ты такой крепкий мужик, ловкий – молодец. Уважаю. Вот вагант – он хлипкий. – Жиото вновь покосился на спутника. Вач глядел перед собой и молчал. «Он вообще понимает, о чем я говорю?» – усомнился Дук и решил действовать смелее.

– Вагант этот – трус изрядный, сразу ясно. И подлец, думаю. Вот ты его с госпожой наедине оставил, а зря. Я тебе вот что скажу: ты бы его вообще прогнал. От него только неприятности. Госпожу мы с тобой и вместе защитить сможем, а вагант этот...

Вач остановился.

– Ага. Ты меня понял, – сказал Жиото, тоже останавливаясь и поворачиваясь к нему. Кабан вдруг толкнул Дука кулаком в грудь. По его понятиям это, может, был и несильный удар, но Дук, семеня ногами, попятился, потерял равновесие и упал на спину, высоко подняв руки и стараясь не выпустить чугунок. Тот все же качнулся, холодная похлебка выплеснулась Дуку на лицо.

– Друг, да чего ты? – закричал Жиото, садясь, и увидел спину уходящего Вача. – Эй, да я ж пошутил! – Он встал и, ощущая, что в груди екает, а ребра побаливают, устремился следом. – Я же тебя испытывал, как ты своего друга любишь, верность твою! Да я за нашего ваганта готов жизнь отдать, честно!

Лара, съев лишь немного хлеба и запив глотком вина из бутылки, ушла к деду. Он есть отказался – тихо мычал, сжав губы, когда внучка пыталась сунуть в рот кусочки разрезанной рыбы или накормить с ложки похлебкой, разогретой на костре. Дук отдал ей чернила с пером и пергаментом, и пока мужчины, сидя у костра, хлебали похлебку, она, перевернув деда на бок, положила его голову себе на колени, а перед лицом старика расстелила пергамент. Лара сама макала перо в чернильницу и вставляла его в дрожащие пальцы.

– Что там в селении? – спросил Бреси.

– Всех передушили, – ответил Дук. – Я такого не видал раньше. Если б разбойники на них какие напали – тогда ясно. А тут... Что-то происходит в этих горах непонятное. Госпожа! – повысил он голос. – Мы до замка засветло дойдем?

Лара не ответила.

Когда, поев, они затушили костер, старик как раз закончил писать. Для него это оказалось непосильной работой – теперь Жерант беспрерывно стонал и корчился от боли в ноге. Лара плакала над ним, не зная, что делать.

– Скоро помрет, – тихо сказал Дук ваганту. – До вечера и то может не дотянуть.

Старик впал в беспамятство, но не затих – метался на волокуше и что-то бормотал. Путники обогнули оползень, прошли мимо мертвого селения, и дальше перед ними открылась овальная долина, одним концом вдающаяся в лес, а другим – в горы.

– Глядите, водопад, – обрадовался Бреси. – Никогда не видал...

Они остановились. Там, где в лесу была выемка – западный край долины, – виднелись развалины. А над северным краем, на обширном каменном уступе невысоко над долиной стоял замок: башня и стена полукругом, концами примыкающая к горному склону. Этот склон становился отвесным как раз на той высоте, где располагалась постройка, а ниже полого спускался к долине. Под уступом рос еловый лесок, извивалась лента дороги, что вела к замку от приткнувшегося у горы селения. Вдоль косогора сбегал узкий поток и становился речкой, которая текла по дальнему краю долины.

Дук Жиото прищурился, увидев, с каким выражением рассматривает все это Вач. Опустив волокушу, он подался вперед, костяшки сжатых в кулаки пальцев побелели. «Что это с толстым приключилось?» – удивился Дук.

– Пришли, – сказала Лара. – Теперь я хочу кое-что сказать вам всем. Вач, дай мне сумку.

Толстяк медленно повернул к ней голову, словно не сразу поняв, что к нему обращаются. Дышал он тяжелее, чем обычно, рот был приоткрыт.

– Сумку дай, – повторила Лара.

Кабан снял ее с плеча и передал госпоже. Лара села на землю, откинула клапан, достала две шкатулки и поглядела на Дука.

– Есть у тебя какая-нибудь тряпка побольше?

– Тряпка, – повторил он. – Не знаю... А зачем, госпожа?

– Чтобы завернуть эти шкатулки, конечно.

Ничего не понимая, Жиото присел на корточки, положил между коленей котомку и стал рыться в ней. Когда он поднял взгляд, Лара держала на ладони несколько золотых монет.

– Возьмите каждый по три, – приказала она. – Хотя, Вач... Ты желаешь стать моим слугой?

Он кивнул.

– Можешь взять монеты. Или – служи мне, тогда с тобой разговор другой.

Он вновь кивнул.

Дук, положив у ног Лары кусок холстины, взял монеты, не задавая вопросов, – он уже догадался, чего, скорее всего, она хочет от них.

– Госпожа, но зачем вы их нам даете? – подал голос Бард Бреси.

– С каких это пор бедный вагант отказывается от золота?

– Мы... Да у нас с Вачем...

Жиото быстро глянул на него, но юнец замолчал и наконец взял монеты.

Лара завернула шкатулки в холстину и протянула Вачу.

– Спрячь их за пазуху. А вы... Когда придем в замок, там будет моя родня. Дочери деда... – она кивнула на мечущегося в бреду Жеранта. – Мои тетки и их мужья. Я скажу, что вы трое спасли нас, вас примут. И позже спросят, не было ли чего-то с собой у меня и деда. Вы скажите – да, была эта сумка. Скажите, что когда мы остановились отдохнуть, я открыла ее и выложила на траву все, что внутри. Флаконы, зеркальце, платок, ножик... и больше ничего. Понимаете?

Бард Бреси перевел растерянный взгляд с госпожи на Вача, который засунул сверток за пазуху и запахнул куртку. Вагант явно ничего не понимал.

– Никаких шкатулок, госпожа, – подтвердил Дук. – Мы не видели никаких шкатулок.

– Да. И еще, если об этом спросят, подтвердите, что дед что-то писал на пергаменте.

Глава 5

Колеса натужно скрипели, старая кляча шла еле-еле. Все, даже Лара, поднимались пешком, на телегу уложили лишь Жеранта. Хозяин, кривоногий бородатый старикашка, пояснил, что иначе его лошадка не сдюжит и упадет на середине дороги: идти-то в гору.

В приютившемся у склона селении было десятка четыре домов, но большая их часть пустовала. Дук не заметил молодых парней и девок, здесь жили одни старики. Когда путники приблизились к крайним хижинам, их увидели, раздались испуганные голоса, показалось несколько крестьян с дрекольем. Лара прокричала, что это внучка хозяина со слугами, и сам хозяин тоже здесь, раненый, и его нужно немедленно доставить в замок. Поднялась суматоха, и вскоре они уже двигались по неровной каменистой дороге, что тянулась через ельник.

Старик, владелец телеги, несколько раз поглядывал на Вача и наконец проскрипел:

– Во, я тя узнал!

Все, кроме толстяка, повернули к нему головы.

– Ты ж Вач, а? Папка твой плотником был? А ты лес рубил, для замка и для нас. Как папка с мамкой твои поживают? Думал, только двое вас в наших местах осталось, стриженных... Я Горкин, помнишь меня, малец?

Вач кивнул крестьянину, не то здороваясь, не то подтверждая, что помнит.

– Слепой я стал совсем, – пожаловался старик. – Не сразу признал.

– Вач, друган, так ты отсюда, что ли? – изумился Бард Бреси. – Во дела! Ты в этом селении раньше жил?

– Так и есть, – отвечивал старикан вместо молчащего Кабана. – А когда монастырь порушили, монахов поубивали, его семья в город и уехала.

– Монахов? – подал голос Дук. – Что такое «монахи»?

– Так они себя прозывали. Монахи войны. Жили в том монастыре, у леса. Все – стриженные, тока настоятель их с волосами до плечов. Они как-то появились со стороны Разлома, давненько уж, да и отстроили здесь свой монастырь. Из нашей деревеньки туда несколько парней тож подалось, обучались там, хотя ночевали по домам у себя. Настоятель этот страсть как шаманов с ведьмами не любил, мракобестию всяку. Он и чаров не любил, но их в наших местах почти што и нетути, а мракобестий в лесу полно.

– А господа? – Дук показал вверх. Сквозь еловые кроны виднелся уступ и край сложенной из каменных глыб стены. – Эти земли и селение ваше – все ж ихнее? И они позволили, чтоб у них под боком какие-то... как ты сказал? Монахи какие-то поселились?

– Да им же ж тока на руку, – не согласился старик. – Нечисть-то чем дальше, тем чаще из лесу своего выходила. Но там мелочь всякая, а вот в горах... вот там страхолюдища живут. И у монахов с господами такой, значит, договор получился. Те этих защищают, и нас, сирых, тож, а эти тем позволяют здесь жить. И харчи мы им давали, да. А то настоятель как-то пришел, собрал всех, обсказал, што воует против нелюдей, што ему сильные молодые парниши нужны. Грил, владеет всякими... приемами, значит. Штоб драться сподручнее. Может с любым оружием обучить так, што шаманы, токмо тебя завидя, враз побегут прочь.

Дорога изогнулась, склон стал круче, и лошадь встала. Пришлось всем, кроме Лары и крестьянина, упереться в телегу и толкать. Горкин ухватил клячу под

уздцы, потянул, осыпая ее бранью.

– И что дальше было? – спросил запыхавшийся Бреси, когда ельник закончился и они выехали на ровную площадку перед замком.

Крестьянин поглядел на Вача, который так и не сказал ни слова.

– А што было... Поубивали их. С гор спустились душителю, из леса вышли совиные люди... Жило там такое племя, а мож, и щас живет. Я полагаю – они промеж собой договорились и вместе решили монахов изничтожить. Ну и сожгли монастырь ихний. Настоятель – не знаю, то ли убег, то ли умре. Всех наших юнцов, что в монахи подались, тоже поубивали, окромя Вача. Мы тогда в замке попрятались, а папашка Вача в город уехал вместе со всей семьей. Вот и вышло, што живыми только трое остались. Двое ненашенских монахов, которые вместе с настоятелем пришли, – они в замке до сих пор живут. Ну и Вач, он же ж с родичами своими тоже в город подался. Откройте, люди добрые, главный господин с внучкой пожаловали! – вдруг заголосил крестьянин дребезжащим голосом, стуча кулаком по двери, что была в левой половине ворот.

Дук и Бреси отошли назад, задрали головы, разглядывая стену и башню на фоне темнеющего неба. Стена не очень-то и высокая, решил Дук, а в крыше башни – дыры.

Бреси стоял, разинув от восхищения рот. Шаманы с ведьмами, Разлом, горы Манны, замок... Вагант счастливо вздохнул. Нет, но как же хорошо, что он в Форе не остался! Прозябал бы сейчас там, по улицам шатался голодный...

– Да что же ж такое! – сказал крестьянин и заколотил пуще прежнего. – Эй, открывайте!

Наконец, в двери отодвинулась заслонка, возникло лицо.

– Горкин, ты, что ль? – произнес голос. – Ты чего приперся на ночь глядя? Не открою, и не проси, вертай взад... – Голос смолк, когда крестьянин отступил, а Лара шагнула к двери.

– Здесь Жерант, хозяин ваш, – сказала она. – А я его внучка, Лара. Быстро открывай.

Когда телега въехала во двор, поднялся шум. Запричитали женские голоса, забежали люди. Несколько слуг взяли волокушу со стариком и понесли внутрь большого каменного дома, что стоял возле косогора. Лара пошла с ними, Вач затопал следом. Горкин, попрощавшись, укатил обратно, а Дук и Бresi остались стоять посреди двора. Вагант крутил головой и хлопал глазами, Дук настороженно приглядывался к окружающему. Он слышал, что господские дома в замках называют паласами. Местный палас, стоящий почти вплотную к склону, был трехэтажным, округлым и с навесными бойницами вдоль крыши.

Хотелось пить, но сколько Дук ни глядел, колодца не заметил. Вокруг большого дома стояли постройки из бревен – и жилые, и сараи с конюшнями. Двор земляной, плотно утопанный. К галерее на опоясывающей его полукругом стене вело несколько тяжелых приставных лестниц. Слышался приглушенный плеск водопада.

– Где ж тут колодец у них? – Дук еще раз огляделся и пошел к двум мужчинам, которые не участвовали в общей суматохе. Пока раскрывали ворота и впускали телегу, они стояли рядом с мечами наготове, внимательно наблюдая за происходящим. После обменялись с Ларой несколькими словами, а когда старика унесли, вернулись к столу слева от дверей господского дома. Теперь эти двое сидели там и тихо разговаривали. На столе стоял кувшин, пара чашек и миска, лежал хлеб.

– И я пить хочу, – Бresi поспешил за Дуком.

Когда они приблизились, мужчины подняли головы. Монахи, понял Дук, разглядев их. Один пожилой, круг волос на голове поседел, второй – немногим старше Жиото. Оба худые и гибкие, сильные. Одеты одинаково, в свободные куртки и штаны, на обоих сапоги. Поперек лавки рядом с каждым лежал длинный узкий меч.

– Добрые люди, где тут у вас попить можно? – спросил Дук. – Жажда умучила.

– Садитесь, – предложил молодой. – И есть небось хотите?

– И есть тоже, – согласился Жиото.

В кувшине оказалось не вино, как он ожидал, а вода, в мисках – гречневая каша и остатки мясного пирога.

Пока они с вагантом ели, монахи молча разглядывали их. Начало темнеть. По двору сновали слуги. Звучали голоса. На вершине стены появилось несколько фигур – дозорные, решил Дук. В окнах господского дома горели свечи. Доносился звук шагов, кто-то что-то приказывал.

– Этот жирный, который внутрь прошел, – наконец произнес молодой монах. – Его не Вачем ли зовут?

– Он, да, – откликнулся Бреси. – Вы ж с ним эти, крестьянин говорил, как вас... монахи?

– Монахи, – согласился пожилой. – Вас как звать?

Выслушав ответ, он сказал:

– Я – Шарпа, а он – Одлик.

– Чудные имена какие, – сказал Бреси.

Монах не стал спорить.

– Может, и чудные. А ты почему поэтом прозываешься?

– Как так – поэтом? – удивился вагант.

– На севере, откуда я родом, бардами поэтов зовут. Не каких-то там певцов, менестрелей, то бишь бродяг, что по улицам песенки распевают, а ученых поэтов, владетелей истинного языка, которые с предсказателями знают и Белую Даму или Ночную Кобылу могут так в стихах описать, что призовут их...

Бреси возразил:

– Так то на севере. А я – вагант. Слыхали про таких?

– Ага. Ну что, вагант, и ты, Дук. Рассказывайте. Откуда вы, как сюда попали да что по дороге приключилось.

– Так, может, погодить, пока господа соизволят нас позвать? – спросил Дук. – Они ж захотят взглянуть на нас. Придется еще им...

– Господа вас, может, и позовут, да мы-то снаружи останемся, – перебил Шарпа. – Ты, Дук, не спорь. Мы старшие в замковой охране, понял? И если нам что-то в вашем рассказе не понравится, если вы вдруг подозрительными покажетесь, так мы вас прям здесь, за этим столом, зарубим. И хозяева нам ничего не скажут.

– Да что ж вы так сурово к нам! – воскликнул Бреси, но Жиото, смекнув что к чему, уже начал, заискивающе улыбаясь, говорить.

Монахи слушали внимательно, не перебивая, лишь иногда задавали вопросы – про то, как выглядели шаман с ведьмой, как они ухали, да был ли на постоялом дворе кто-то еще. После Дука стал рассказывать вагант – и говорил бы долго, потому что речь его была куда цветистее и беспорядочнее, чем у Жиото, но в конце концов Одлик прервал его:

– Ладно. Хватит, малый. Про то, как ты Вачу всякие советы давал, уже в третий раз начинаешь.

Бреси вспыхнул и умолк.

Совсем стемнело, большинство слуг со двора исчезли, стало тихо, лишь в паласе еще слышались голоса. На стене зажгли факелы – в их свете Жиото насчитал полдесятка дозорных. Стало холодно, с гор подул ветер. Водопад глухо шумел в темноте за стеной, а снизу, из долины, не доносилось ни звука.

Дверь дома раскрылась; освещая дорогу небольшой лампой, вышел невысокий толстенький господин. Подняв лампу, оглядел присутствующих и повернулся к Шарпе.

– Ну как?

– Вагант да слуга лавочника, оба из Форы, – ответил тот. – Так, приبلудные. Прибились к господину Жеранту с госпожой Ларой по дороге. – Он покосился на тех, о ком говорил, и добавил: – Даже и помогли им сюда добраться.

– Люди они? – уточнил господин с лампой. – Не нежить какая, точно?

Дук широко развел руками, похлопал себя по бокам.

– Что вы, господин, у нас и оружия никакого нету, сами поглядите.

– Обычные люди, – Шарпа встал. – Одлик, ты этой ночью у дома охраняй. Я сейчас за этими двумя пригляжу, а после на стену.

– За мной идите, – приказал господин Дуку с Бреси и вернулся в дом.

Он оставил их на втором этаже под дверью, а сам вошел внутрь. Пока дверь раскрывалась и закрывалась, Дук успел разглядеть горящий камин. Они с Бреси стояли в полутьме, слушая приглушенные голоса, что доносились из комнаты. Зашедший в дом вместе с ними Шарпа молчал. Меч висел в ножнах на его боку.

– Кто он, этот господин с лампадкой? – спросил вагант.

– Вару, управляющий. Замком занимается, когда господа в городе, – ответил монах и больше не произнес ни слова.

Дверь вновь раскрылась, управляющий махнул Шарпе рукой, приглашая войти. Монах скрылся за дверями, а господин Вару приказал: «Ждите» – и спустился по лестнице, захватив лампу. Опять стало темно. Монах что-то тихо бубнил, иногда его прерывали более громкие голоса, задающие вопросы. Вернувшись, Шарпа прикрыл дверь за собой, поглядел на Дука, на Бреси и заговорил:

– Я хотел внутри постоять, пока вы там, но господа не разрешили. Сказали, раз вы обычные люди, так и опасаться вас нечего. Там госпожа Арда и госпожа Силия, дочери хозяина. И мужья их, господин Мелон с Иваром. Вы двое – держитесь вежливо, на вопросы отвечайте коротко и толково. Да господина

Ивара не рассердите, ясно? Это тот, что постарше. Он легко сердится и в гневе суров. Все понятно?

– Что ты, господа нас благодарить будут, – откликнулся Бреси. – Мы ж племянницу их спасли и папашу. Мы же...

– Все поняли? – повторил монах. – Идите.

Он развернулся и зашагал вниз по лестнице, а Бреси с Дуком вошли в комнату.

Дочери господина Жеранта, старшая – Арда, крупная круглолицая женщина лет сорока, облаченная в пышное синее платье, – и Силия, тощая, с унылым длинным лицом, в платье красного цвета, – сидели в креслах. Ноги обеих были укутаны в пледы. Поодаль, на углу заставленного посудой стола примостился господин Ивар, красавец с тронутыми сединой висками. Жиото решил, что он муж Арды. Ивар крутил в руках маленький ножик. Мелон, здоровый широкоплечий малый лет тридцати, со светлой бородкой и редкими кучерявыми волосами, стоял за креслами, вполоборота к пылающему камину.

Бреси и Дук, поклонившись, остановились посреди комнаты. Со стен на них пялились морды – чучела оленей и медведей. Среди них была башка огромной совы, Жиото и не думал, что такие на свете бывают.

– А! – сказал Мелон глубоким басом, вышел из-за кресел, ухмыляясь и глядя на гостей. – Вот и спасители дорогого тестя. Что ж вы не углядели, позволили ногу ему оттяпать?

Арда что-то тихо сказала, и Мелон вернулся к ней со словами:

– Да, дорогая?

«Так он ее муж, а не госпожи Силии?» – удивился Дук. Кудрявый бородач казался лет на десять младше супруги.

– Ты, надо полагать, вагант, – заговорил Ивар, ткнув ножиком в сторону Барда Бреси. – А ты – прислуга лавочника?

– Так и есть, ваш милость, – ответил Дук, кланяясь.

Ивар подошел к креслу, где сидела Силия, примостился на подлокотнике и положил ладонь на плечо молодой жены. Дук заметил, как женщина поморщилась и слегка отстранилась.

Мелон, погладив бородку, воскликнул:

– Славные ребята! Вагант, ты петь умеешь? Тут скука, так развесели нас...

– Дорогой, помолчи, пожалуйста, – оборвала его Арда, и тот послушно заткнулся. – Ивар, вы хотели что-то спросить у этих людей, не так ли?

Жиото решил, что глаза у супруга младшей дочери совершенно рыбы – тусклые, невыразительные. Эти глаза уставились на Бреси и Дука. Будто щука глядела на маленьких рыбок...

– Вы двое сопровождали племянницу и господина Жеранта, – сказал Ивар. – Что у них было с собой, какие вещи?

Бард молчал, а Жиото, низко поклонившись, заговорил:

– Сумка была, ваш милость. Небольшая така, кожаная.

– Сумка – и все? Я так понял, они до самого леса в фургоне ехали. Что в фургоне?

– Так мы же ж их токмо в лесу и встренили, ваш милость, – стараясь выглядеть глупее и проще, он говорил так же, как крестьянин Горкин. – На постоялом этом... двоёре... Вам ить монах про то толковал? Телега ихняя крытая снаружи осталася. Не видали, че в ней.

– Ваша история с капитаном городской стражи и этим монахом, которому он приказал служить Ларе, совершенно дикая, – заметил Ивар, поднимаясь с подлокотника и прохаживаясь перед креслами. – Что за послание кровью на доске? Про такое менестрели на улицах поют, а в жизни такого не бывает.

– Этого не зна, ваш милость, – ответил Дук. – Меня там не было, я и сам это все от, как его... от ваганта вот ентого услышал...

Он не повернул головы, когда Бард Бреси с обиженным возмущением уставился на него.

– Дук, ты что же, мне не поверил тогда... – начал Бреси, и тут Ивар, подскочив к нему, одной рукой ухватил за волосы, дернул, опрокинув юнца на колени, и приставил к тощей шее ножик.

– Не лги, – процедил он. – Говори, как все было?

– Ну началось, – пробурчал Мелон из-за кресел. Он повернулся лицом к камину и протянул руки, грея их над огнем.

– Правду говори, – повторил Ивар, дергая Бреси за волосы.

– Но ведь правда же! – задушенно прохрипел вагант. – Ведь правда все! Меня монах... Вач меня в городе нашел и притащил туда! Там капитан лежал мертвый, а на груди дощечка. И на ней... – он сглотнул, кончик ножа при этом слегка ткнулся в кожу, на шее выступила капелька крови. – Дощечка, и на ней красным накалякано! Я же... я же помогал, я же от чистого сердца...

– От чистого сердца ты и кафтан с мертвеца снял? – спокойным голосом произнесла Арда. Силия в это время подалась вперед, сжав кулаки, горящими глазами смотрела на ваганта и мужа, все еще державшего Бреси за волосы.

– Нет, госпожа! – пискнул Бард. – Кафтан там рядом валялся! Вач на меня его накинул, потому что снег уже, а я в одной рубахе. Да что же это... Что же вы так со мной...

Не отпуская его, Ивар повернулся к Арде, та слегка пожала плечами, и он отошел. Бард стоял на коленях, прижав ладони к шее. Дук болезненно улыбался. Силия качнулась в кресле так, что оно громко скрипнуло, и выкрикнула:

– А в сумке что? Ларка открывала ее? Говори, мерзавец!

Не ясно было, к кому она обращается, да и Дук был слегка ошарашен всем происходящим – он молчал. Бреси тер шею и что-то скулил. Ивар, поигрывая ножиком, пошел к ним, и Жиото, опомнившись, принялся низко кланяться и говорить:

– Открывамши, ваш милость, открывамши. Мы передохнуть стали, она все наружу и вывалила.

Ивар встал перед ним, заложил руки за спину, уперев в лицо Жиото тусклый взгляд.

– Что внутри?

– Зеркальце да склянки каки-то.

– Склянки?

– Бабы, которы блаародней, из них всякими этими... благо... вониями обливаются.

– Что еще?

В голове Дука качнулись невидимые весы, взвешивая все выгоды, все «за» и «против».

– Все, ваш милость, – произнес он, поднимая глаза и встречаясь взглядом с Иваром. – Скажи, Бард? Може, я пропустил чиво, я же ж не приглядывался... Да тока окромя всяких бабских... всяких склянок дамских, ничиво там не было.

Ивар покрутил в пальцах ножик и медленно вернулся к креслам.

– В фургоне осталось? – донесся приглушенный басок Мелона.

– Глупости, дорогой. – Голос Арды. – Оставить в фургоне семейные драгоценности и деньги? На постоялом дворе, хозяев которого впервые видишь? Быть может, Лара на такое и способна, но не отец.

– Но он же раненый был, – этот голос принадлежал Силии.

– Ты невнимательно слушала, девочка. Ему отрубили ногу уже после.

– Сколько раз я просила не называть меня девочкой!

Побледневший Бард поднялся с колен и воротом шелковой рубашки, надетой под расстегнутым кафтаном, отер кровь с шеи.

Ивар, наконец, повернулся к ним.

– Вы видели, чтобы господин что-нибудь писал? – спросил он.

Бард и Дук одновременно кивнули.

– Ваш милость, старенький господин просил эту... пергаменту и чернильца с перышком, – добавил Жиото. – А тут и селение впереди случилось. Мы с монахом туды потопали. Там сплошь мертвяки. Я в доме чара и нашел, что господин просил, отнес ему...

Силия, вскочив из кресла, бросилась к Дуку – тот отшатнулся, – залепила пощечину, бегом вернулась к столу, где стояли остатки недавней трапезы, схватила бокал и приникла к нему, давясь вином.

– Так вот кому мы обязаны этим завещанием... – протянул Мелон, тоже подходя к столу и наполняя второй бокал.

Ивар повернулся к креслу Арды. Они обменялись несколькими словами, затем господин громко сказал:

– У монаха под домом спросите, как найти Бруну. Она вам покажет, где спать. Теперь пошли вон, оба.

– Бард, друган, ты не думай, что я тебе не поверил тогда, – объяснялся Дук Жиото чуть позже. – Просто я привык правду говорить, понимаешь? Я ж не видал того капитана, и как там у вас все было – не видал. Сказал господам, что знаю...

Бреси уже оправился от пережитого в паласе, но все еще оставался хмур и о чем-то сосредоточенно раздумывал. Юное лицо его осунулось, вагант вдруг показался Жиото старше, чем раньше, словно за один вечер возмужал на несколько лет.

– Дук, да я тебе верю. Но они... Разве ж господа такими должны быть? Почему они такие недобрые?

Дук, полагавший, что господа попались как раз вполне обычные, вздорные и злые, промолчал.

Бруну, ключницу и первую помощницу управляющего замком, они нашли в длинном доме, что стоял за сараями. Выяснилось, что и спать им предстоит здесь. Поджав губы, толстуха провела гостей на кухню в торце постройки – там у горящего очага, сидя на низком табурете, молодая полненькая блондинка чистила почерневший от копоти чугунок. Звали ее, как вскоре выяснилось, Хлоя, и была она дочерью Бруны.

– Хлеб только остался, – сказала ключница, зевая во весь рот. – Хлеб да вода.

– Нам бы вина, – подал голос Бард Бреси. – Мы и заплатить можем... – он умолк, когда Дук, громко хохотнув, хлопнул его по плечу.

– Шутит вагант, – сказал он. – Давайте хоть воду, мамаша. И хлеб тоже.

Хлоя вскочила, улыбаясь гостям, сунулась в кладовку. Они сели за стол. Огонь в камине догорал, слабые отблески ложились на бревенчатые стены, полки и свисающие с низкого потолка связки трав.

– Мамаша, как там старенький господин? – спросил Жиото, отламывая кусок от краюхи.

Толстуха нахмурилась.

– А тебе зачем?

– Мы ж его столько несли на себе. Жалко, он мучился так, сами посудите – ему топором ногу оттяпали.

– В паласе они, на третьем этаже, и лекарь наш там, – сказала Бруна. Дочь тем временем села за столом напротив, подперев кулаком подбородок и переводя взгляд блестящих влажных глаз с Бреси на Дука и обратно.

– Ну, если в вашем замке лекарь есть, так, может, выздоровеет еще господин, – повеселел Жиото, но Бруна лишь презрительно отмахнулась.

– Это ж Хашик. Старик он и пьяница, все, что знал, – давно позабыл. Да и знал немного.

– А госпожа Лара где? – спросил Бард. Он был на удивление немногословен и о чем-то хмуро размышлял.

– И монах, который с нею был, слуга ее? – добавил Дук.

Бруна опять зевнула.

– Спят они, комнату мы для их прибрали, рядом с господином Жерантом. А монах ваш под дверью лег. Я ему говорю: иди к слугам, к остальным, че разлегся здесь, боров? Иди помойся, воняет от тебя, а после – в дом, где все...

– А монах так на нее зыркнул, – звонким голосом подхватила Хлоя, – мамаша аж струхнула и побыстрее оттуда...

– Ты чего до сих пор здесь? – обозлилась Бруна. – Закончила прибираться? Пошла спать! Ишь, глаза вытаращила, блядина! Пошла, пошла, говорю!

Хлоя закусила губу и выскочила из кухни.

Ключница велела:

– Ешьте быстрее. Как поедите – вон, видите, вторая дверь? Там дальше комната, где дворовые люди спят. Место есть. Народу мало осталось. Тряпье там валяется, завернетесь. Ясно вам? Да не расслаивайтесь тут, и так за полночь. Я

вас вместе со всеми подниму с самого ранья. Мне приказали вас обоих к работе приставить.

– Устали мы с дороги, мамаша, – пожаловался Дук. – Поспать бы подольше.

– За работой завтра и отдохнете. Только светать начнет – встанете со всеми. Дел хватает. Да не вздумайте по двору ночью шастать. Шарпа с Одликом такого не любят. Заприметят – могут в темноте мечом башку снести безо всяких разговоров.

Когда Бруна ушла, Дук попробовал залезть в кладовку, но та оказалась заперта. Он пошарил по полкам, ничего съестного не нашел и вернулся к столу. Есть, впрочем, не очень-то и хотелось: монахи их все-таки покормили. Бард Бреси не шевелился, уставившись в очаг. Дук подсел к нему, наклонился к уху ваганта и тихо заговорил:

– Ты вот что, друг. Никому не вздумай говорить, что у нас деньги есть. На тебе и так кафтан этот – только глаза всем мозолит. Лучше бы тебе запрягать их получше, закопать где, что ли. Или дай мне, я запрячу. Не хочешь? Ладно. Главное – обо всем молчок. Ты понял, друг? Ох, боюсь я, как бы Вач не сболтнул чего лишнего...

– Да Вач-то точно не скажет, – промямлил Бреси.

– Это еще неизвестно. Думаешь, вы с ним такие, как ты говоришь, друганы? А вот и нет. Пока ты ему нужен был, он с тобой дружил и тебя, может, слушался. А как госпожа появилась – так зачем ты ему теперь?

Бреси моргнул, перевел взгляд на Жиото, и тот настойчиво продолжал:

– Я тебе все как есть говорю. А ты подумай над этим. Нам с тобой лучше теперь друг друга держаться. Мы здесь чужие, и что там у господ между собой происходит – не знаем. Но пришли мы с госпожой Ларой и видели, как старичок завешание писал. Что в том завещании? Как нас с тобой сегодня расспрашивали... пристрастно как, а? Значит, старик что-то такое написал, что дочерям его не очень-то понравилось. И если они теперь с Ларой враждовать начнут, так и мы можем под горячую руку попасть. Потому – молчи. Мы, что видели, рассказали, а больше ни слова.

– Спать хочу, – произнес Бреси.

Дверь открылась, и в комнату, блестя глазами, скользнула Хлоя.

– Ушла маманя? – приглушенным голосом спросила она. – Во, стерва старая!

– Да, мамаша у вас строгая, – согласился Дук, вставая.

– И не говорите, господин, – Хлоя глянула на него, на ваганта и подошла к Дуку. Была она невысокая и теперь касалась пышной грудью локтя Жиото. – Я все думаю: надо бы ее проучить, подсыпать крысиной отравы в кашу. Помереть не помре, а сляжет и животом долго промучается. Поели ли вы, господа? – говоря это, Хлоя все сильнее наваливалась грудью на Дука.

– Бард, ты бы спать шел. – Жиото вдруг заторопился, ухватил ваганта за плечи, поднимая с лавки. – Вымотался ведь, а? Вон, дверь, видишь, туда иди...

– А ты? – спросил Бреси.

– И я сейчас пойду. Сейчас, скоро, только расспрошу госпожу про местные дела...

– Какая же я вам госпожа? – откликнулась Хлоя, наматывая на указательный палец локон волос. – Я простая служанка здесь.

Вагант открыл дверь, ведущую в глубь дома. Последнее, что он услышал, были слова Жиото:

– Простые служанки, госпожа, не бывают такими красивенькими.

Огонь в очаге догорел, только угли еще тлели. В кухне стало совсем темно, но это не помешало господину Дуку Жиото быстренько уложить хихикающую госпожу Хлою спиной на широкую лавку и одним движением задрать подол платья ей на голову.

Их разбудили громкие голоса. И Бард и Дук так умаялись за предыдущие сутки – а Жиото еще и лег совсем поздно, – что не услышали, как все, кто спал в комнате, поднялись и высыпали во двор. Теперь там о чем-то спорили мужики и причитали женщины. У Дука, лежащего щекой на котомке, затекла шея. Похлопав себя ладонью по загривку, он встал и вслед за Бардом Бреси вышел во двор.

Господин управляющий что-то втолковывал кучке слуг. Несколько женщин, среди которых была и Хлоя, ахали и охали, собравшись в кружок возле дверей кухни. Ни Бруны, ни монахов не видать. Вагант присоединился к толпе мужчин, а Дук постоял, сонно пялясь на башню, что возвышалась над замковой стеной, и пошел к женщинам.

– Бедный господин, – донеслось до него.

– Что случилось? – спросил Жиото, останавливаясь рядом.

Хлоя лизнула его взглядом влажных глаз и сказала:

– Господин Жерант ночью умре.

– Ох ты! А что же лекарь ваш?

– Да что с того лекаря, – вступила в разговор одна из женщин. – Лекарь-калекарь! Раньше, когда еще старая травница в селении жила, Хашик к ней бегал, чуть что приключится с кем, советы испрашивал да снадобья брал. А как она окочурилась, перетащил к себе все ее настойки. Внучка у травницы была, тоже обученная, возражала, да Хашик ей пригрозил, что господам нажалуется, будто она противится тому, чтобы он мог при необходимости лечить их. Но все одно, он же в них не понимает ничего, в снадобьях ентих. Наделал на крышках закорючек по памяти, чтоб знать, где что налито, а толку? Кузнеца брат младший как-то по пальцу себе молотком вдарил, Хашик его стал лечить, макал руку в настойку, пить что-то заставлял – так палец почернел, за ним и ладонь. Пришлось руку по запястье отрубить, но все одно он потом помер. Тьфу, лекарь!

Хлоя, стоящая по правую руку от Дука, призывно смотрела на него, но Жиото к дочке ключницы не поворачивался.

– И где ж старичка хоронить будут? – спросил он, обращаясь ко всем сразу.

– Так на кладбище внизу, – ответила та же словоохотливая женщина.

– У селения? Что ж у вас, господ вместе с крестьянами кладут?

– Выдумали тоже! Для господ наособицу домик там, каменный.

– Домик... склеп, что ли? – догадался Жиото.

– Ага, оно самое.

Дук кивнул и отошел. Котомка висела на плече, ее следовало спрятать, а куда – неясно. Встав на середине двора, он огляделся. Было холодно, небо, вчера прозрачно-серое, теперь стало темным и будто потяжелело. Скоро снег пойдет, подумал Дук. На стене маячили фигуры трех дозорных. А если нечисть какая с гор спустится и прямо на крышу паласа прыгнет? Жиото прищурился, разглядывая отвесную каменную стену, лишенную растительности – только высоко-высоко на уступе росла одинокая пихта. Нет, решил он, тут никто спуститься не сможет, и вновь глянул на замковую стену. Башню, что возвышалась над ней, венчала проломленная крыша. Стена как бы расщепляла постройку напополам: словно на повернутое горизонтально лезвие топора насадили бревнышко.

Со стороны господского дома донеслись голоса. Дук обернулся. Показалась Бруна, и он привстал на цыпочках, глядя поверх голов. Из дверей появились Ивар с Мелоном, за ними один из монахов, вроде бы Одлик. Они расступились, наружу вышла Лара, а следом Вач.

Хлоя отошла от женщин, подступила к Дуку почти вплотную, заглядывая в глаза.

– Как спалось, господин? – спросила она и кончиком языка лизнула верхнюю губу.

– Плохо, – сухо сказал Жиото. – Вы лучше скажите мне, вон та башня, что на стене. В ней кто-то живет?

– Да что вы, господин, – Хлоя, казалось, не замечала холодного тона. – Она старая совсем, того и гляди упадет. Туда и подниматься боязно, в ней много лет никто не бывал.

– Вот оно как... – протянул Дук, и тут Бруна, уперев руки в бока, заголосила на весь двор:

– Чего встали?! Работы не хватает?

И тут же со стены донесся крик дозорного. Хлоя глянула поверх плеча Жиото и ойкнула. Заголосили люди. Ивар с Мелоном ввалились обратно в дом, Вач, схватив Лару в охапку, бросился следом. Дверь за ними захлопнулась. Послышался топот ног, и монах – теперь Жиото узнал в нем Шарпу – пробежал через двор с мечом наперевес.

– Чудище! – Хлоя повисла на Дуке, обхватила за шею и крепко прижалась. – Господин, спасите же меня!

– Хлоя, коза драная, в дом! – завизжала сзади Бруна. – В дом бежи!

Жиото сорвал с себя руки женщины, развернулся, увидел мелькнувшую над стеной тень. Монах уже лез вверх по приставной лестнице. Люди прятались в домах. Хлоя, подобрав подол платья, бежала к кухне. Из распахнутых дверей кузницы выскочили трое мужиков с длинными палками, на концах которых были насажены зазубренные крюки, и помчались к лестницам.

– Аааа! – что-то большое и крылатое вновь пронеслось на фоне неба, и один из дозорных полетел вниз, сброшенный ударом.

Дук побежал вслед за мужиками и быстро залез на стену. Здесь тянулась полукругом открытая галерея. Теперь он разглядел, что башня и вправду словно насажена на замковую стену. В постройке с обеих сторон были проемы, галерея проходила через них, так что стену можно было пересечь от одного примыкающего к склону конца до другого.

– Вона летит!

Вдоль внешнего края галереи возвышался бруствер в половину человеческого роста, с зубцами в форме ласточкина хвоста. Дук выглянул: внизу расстилалась долина с полоской реки, виднелись крыши хижин, вдалеке – черные развалины монастыря и сплошное море древесных крон.

– Дай сюда! – прокричал неподалеку Одлик.

Он вырвал багор из рук мужика и подпрыгнул, пытаясь зацепить крюком за брюхо огромной птицы, что метнулась к стене. Дук разглядел густой коричневый пух, круглую голову, могучие крылья, тяжело взбивающие воздух... «Это что, сова?» – изумился он и быстро пошел в сторону башни. На него не обращали внимания; все, кто стоял на стене, смотрели вверх. Дук скользнул за спиной Шарпы, который, до пояса высунувшись между зубцами, целился из лука. Глянул вниз – замковый двор опустел; глянул вверх – нет, не просто огромная сова летала над стеной. В крылатой фигуре присутствовало что-то человеческое, хотя ни рук, ни ног Жиото не увидел.

Шарпа выстрелил. За мгновение до этого людосова завалилась на крыло, и стрела пролетела мимо. Чудище издало громкий крик, сложило крылья и мохнатой глыбой рухнуло на стену. Взметнулось несколько багров – защитники пытались зацепить ее крюками. Дальше Жиото не смотрел. Нырнув в башню, огляделся. У стены лежал ровно отесанный камень, за ним два камня, потом три, поставленные друг на друга, рядом четыре – получилось вроде лестницы без перил. На галерее вновь закричали. Дук полез вверх.

В башне было три этажа. Пол второго каменный, а того, что под самой крышей, – деревянный. Присев на корточки, Дук долго глядел вверх. Пара бревен крест-накрест, концы вмурованы в стены, поверх них доски, теперь сгнившие. Их трухлявые обломки валялись на камнях вокруг Жиото, только на одном треугольном участке покрытие оставалось целым. Когда-то туда вела деревянная лестница, сейчас остался лишь каркас из досок да часть перил. Ни одной целой ступени – наверх никак не подняться.

Крики снаружи все еще звучали, но теперь Дук не видел, что там происходит. Он встал возле остатков лестницы, рассмотрел, подергал... Все сооружение качнулось, издав низкий протяжный скрип, и Жиото отскочил. Между камнями

горизонтально торчали короткие клинья, вбитые так, чтобы образовывать круто наклоненный ряд. Раньше поверх них лежала длинная широкая доска – она-то и образовывала перила. Теперь доски не стало, но клинья все еще оставались на месте. Подняться по ним вряд ли возможно. Хотя...

Дук снял с плеча котомку, покопался в ней и достал крепко закрытый кувшинчик. Так или иначе, он в ближайшее время собирался хлебнуть «травяной крови», а теперь вот и повод есть. Раскрыл кувшинчик, понюхал. В горле сразу пересохло, ноздри затрепетали. Песко Цветник предупреждал, что много пить нельзя, бормотал что-то про миры за полями. Дук сделал совсем маленький глоток, едва коснулся снадобья губами.

Чуть зазвенело в голове. Он закрыл кувшинчик. Ничего. Сердце не колотится, никакой легкости в теле. Почему так? Слишком мало выпил? Или, быть может, «травяная кровь» с каждым разом влияет слабее и пить ее нужно все больше?

Звон уже стих, сердце стучало как и раньше, ни дрожи, ни жара на лице. Снаружи заухала людосова. Все последнее время было тихо, и Жиото решил было, что чудище улетело восвояси или защитникам удалось подцепить его крюком, притянуть к стене да порубить на куски, но нет – слышались голоса монахов, отдающих приказание, приглушенный топот ног, крики.

«Надо побольше выпить», – подумал Дук, поднес к губам горлышко кувшинчика, наклонил его, и тут прямо за стеной, у которой он стоял, тяжело захлопали крылья.

– Попал! – донеслось снаружи.

В стену с глухим стуком ударилось что-то большое, вся башня дрогнула. Пол чуть качнулся, и Дук качнулся тоже. Поперхнулся, снадобье потекло в горло. Харкнув, он приладил крышку и только успел, присев, поставить кувшин на пол, как голова его стала колоколом, по которому с размаху ударили кувалдой.

Дук чуть не заорал – не смог лишь потому, что зубы не разжались. Низкий звон, от которого челюсти затряслись, наполнил и голову, и окружающее пространство. В лицо будто ткнули горящим факелом, глаза налились кровью и лопнули раскаленными брызгами, кожа на носу и щеках оплавилась, потекла. Он прижал руки к груди: сердце разрывалось на части, колотилось о ребра, те

скрипели, трескаясь и выгибаясь. Все вокруг тряслось и качалось.

Дук Жиото взмыл к уложенным крест-накрест бревнам потолка.

Всякие ощущения оставили его, он перестал чувствовать и содрогание сердца, и дрожь конечностей, и жар. Закачался, как пробка на волнах, увидел под собой тело – оно стояло, широко расставив ноги, разбросав руки и задрал голову кверху, – и собственное, запрокинутое лицо. Нет, и глаза были целы, и кожа всего лишь порозовела, и грудь, тяжело вздымающаяся под рубахой, не лопнула. Но тело осталось там, внизу, а он, Дук, – наверху. Звон нарастал, пронзал окружающее, мелкой дрожью сотрясал башню. Жиото успел подумать, что на самом деле это он трясется, а все остальное неподвижно, и тут же увидел, что камни, из которых сложены стены, меняют форму, оплывают. Все вокруг стало плоским, как нарисованные декорации. Дук начал медленно опускаться – безвольно, будто напивавшийся водой трухлявый кусок дерева. Теперь вместо камней со всех сторон его окружали черепа, вроде человеческие, но по размеру – как бычьи. Из них были сложены стены башни. С пола, на котором стояло тело Дука, исчезли обломки досок, его усеивали кости и черепа, но не такие, как в стенах: мелкие, будто детские. Сквозь глазницы проросла бледная трава. Дук опускался, запрокинутое лицо было прямо под ним, он видел собственные глаза, в которых проступили кровяные жилки, ярко-розовую, натянутую кожу на скулах, нос с кустиками волос в ноздрях. Стены меркли, черепа бледнели и таяли. Стало видно, что вокруг нет ни замка, ни гор Манны, ни селения у склона. Башня из черепов венчала вершину высоченной горы под багровыми небесами, и вокруг, насколько хватало глаз, простиралась черная пустошь, иссеченная трещинами, из которых лился красный свет, иногда взметались языки пламени или ударяли струи густого дыма. В небе медленно летело несколько каменистых облаков: сросшиеся в гранитные острова глыбы с резкими, угловатыми очертаниями, и на каждом виднелись башни стальных замков – стрельницы и галереи, тускло поблескивающие свинцом кровли, флаги – как тонкие ленты из жести, застывшие в неподвижности.

Башня пропала. Дук все еще осознавал, что находится внутри нее, размытые контуры постройки виднелись вокруг, но сама она исчезла – лишь блеклые круги черепных глазниц висели кольцевыми рядами. Все кипело, двигалось, плескался огонь, вздымались дымовые столбы, по багровому небу неслись гранитные облака с замками... Но это происходило беззвучно, ни единого шороха не доносилось до Дука Жиото.

На мгновение окружающее померкло, будто веки ненадолго смежились и вновь раскрылись, – Дук очутился внутри своей головы. Что-то дернулось, и привычные ощущения возвратились: он чувствовал ноги и руки, мог пошевелить ими, главное, он вернулся в ту область, расположенную между глаз, – туда, где всегда пребывает, где ощущает себя любой человек.

И не было вокруг ни постройки из черепов, ни багровых небес и черной равнины, ни дыма, ни огня. Жиото вновь стоял на втором этаже старой башни. Снаружи неразборчиво бубнили мужские голоса. Уханье людосовы больше не доносилось. Сердце билось ровно и глухо, никакой дрожи, никакого звона. Дук для пробы сделал шаг – тело заструилось, двигаясь так легко, будто ноги не касались пола, но шли по воздуху.

Он неуверенно ухмыльнулся, присел. Проверил, хорошо ли закрыт кувшин, сунул его в котомку и, продолжая сидеть на корточках, исподтишка быстро огляделся. Нет, ничего такого, обычная башня, камни, мох между щелей. Почудилось! Дук встал, плавно закинул котомку на плечо и заструился к останкам лестницы. Что это такое было? Экое безумное место... Жиото даже не пришлось придерживаться за стену, он просто вспрыгнул и очутился стоящим на нижнем клине. Ряд их тянулся наискось вверх вдоль окружности стены. Дук не забивал себе голову размышлениями над тем, существует ли то место в действительности или распаленный «травяной кровью» рассудок выдумал его. Увидел – и ладно. Пропало – и Первые Духи с ним. Он легко перемахнул на следующий кол – тот затрещал под ногами, но выдержал, – затем еще выше.

В обширных прорехах виднелось низкое небо, под крышу задувал ветер. Дук сел у стены и разложил перед собой содержимое котомки. Он решил, что теперь, когда в первый раз путь уже пройден, сможет подняться сюда и без помощи снадобья Песко Цветника. Не так уж оно и сложно. До сих пор никто просто не догадался, что можно воспользоваться таким способом, пройти по клиньям перил. Да и кому оно надо – лезть на чердак старой башни?

Он долго перебирал склянки и кувшинчики, шевеля губами, читал надписи. Раскрыл книгу, стал листать, водя грязным пальцем по строкам, иногда хватал какой-нибудь флакон и сверялся с названием, выцарапанным на крышке.

Для того, что он хотел сделать, ингредиентов не хватало. Жиото примерял и так и сяк, перечитывал пояснения Цветника, прикидывал, как бы половчее смешать жидкости, – нет, ничего не получалось. Разочарованный, сложил все в котомку,

подошел к оконцу и выглянул. Ветер ударил в лицо. Эта сторона башни была обращена к лесу: на много лиг тянулось море голых ветвей, дальше начиналась равнина, а за ней, едва различимая, высилась Шамба. В сторону горы, извиваясь, тянулась нить Земляного тракта.

Дук повернулся. Он стоял на треугольнике еще целых досок, два бревна тянулись дальше, как бы продолжая стороны треугольника, концы их уходили в стену башни. Под окном лежало разлохмаченное птичье гнездо, пол усеивали перья и помет. Здесь явно никто не бывал уже много лет, и Жиото решил, что опасаться нечего. Таскать с собой по всему замку котомку с таким содержимым он не хотел, а сюда наверняка никто не поднимается. Дук сунул в мешочек на поясе несколько монет, положил котомку под стеной, ухватил гнездо, осторожно перенес и пристроил сверху.

Сильно хотелось есть. На четвереньках он добрался до середины бревна, лег плашмя и поглядел вниз. Прополз к стене, кряхтя, свесился, протянул руку, нащупал верхний кол. Этаж под ним был не так уж и далеко. Жиото полежал, примериваясь, обхватил бревно ногами и свесился, рывком вытянув вторую руку. Качнулся и повис, держась за кол. Следующий, расположенный ниже, оказался перед ним на высоте живота. «Ничего, спущусь как-нибудь», – решил Дук и стал потихоньку раскачиваться, чтобы перемахнуть дальше.

* * *

Поверженную людосову, упавшую под стеной, баграми вытащили на середину двора. Дук постоял в толпе, обступившей двух мужиков, которые разжигали костер; ему уже разъяснили, что чудовище разделают, кости с потрохами пойдут на суп, а мясо засолят на зиму.

– И что, это можно жрать? – удивился Жиото.

– А то как же, – сказали ему из толпы.

Дук покивал, послушал рассказ про то, как однажды на замок налетела сразу целая стая и утянула с собой троих людей, а пятерых растерзала, про то, что с гор уже дважды за этот год спускались душители – кто они такие, Жиото так и не уразумел, – да и пошел по своим делам.

Барда Бреси определили на конюшню. Конюх как раз куда-то утопал, а вагант стоял возле приоткрытых ворот. Он маялся, переминался с ноги на ногу. Вокруг него сужающимися кругами ходила Хлоя и блестела на Барда глазами.

– Такой же вы молодой, господин, – ворковала она. – Щечки розовые, волосики беленькие. Вам сколько годков-то?

– А вам что? – отвечал Бреси. Он хоть и любил вспоминать про деньки – и, главным образом, ночи, – проведенные в веселом доме Форы, но женщин стеснялся, а особенно вот таких, которые глядели, будто облизывали.

– Да мне и ничего, я так просто спрашиваю, – она приблизилась почти вплотную, и тут к конюшне подошел Жиото. Хлоя зло глянула на него и повернулась спиной, вперив в лицо ваганта липкий взгляд. Дук, в отличие от Бреси, не стеснялся – ему такое чувство было неведомо. Оглядевшись, ухватил женщину за бока и быстро повел ладонями выше, просунул запястья ей под мышки, так что пальцы легли на пухлую грудь.

– Да что это вы творите? – возмутилась Хлоя, пытаясь отпихнуть его локтями, но Дук не отпихивался, а лишь сильнее прижимался к ее спине. Бреси покраснел и ретировался, не оглядываясь. Хлоя задышала громче. Она все еще пыталась отстраниться, но теперь скорее для порядка.

– Вы меня обидели, господин. Когда чудище прилетело, я умоляла вас о защите, а вы убёгли.

– Так ведь на стену побежал, чтоб всех нас защищать.

– Отстаньте же, люди кругом.

Одну руку Жиото чуть не по локоть просунул в вырез платья, другую, протиснув между собой и женщиной, прижал к объемистым ягодицам так крепко, что Хлоя хрипло охнула. Еще раз оглянулся – вокруг никого – и, склонившись к розовому ушку, негромко произнес:

– Что ж, пройдемте на конюшню, госпожа?

В конюшне, за стойлами, где стояли два черных жеребца и гнедая кобыла, под стеной было навалено сено – на нем и устроились.

Платье с дочери ключницы Дук, как и вчера на кухне, снимать не стал, лишь задрал подол. Теперь он лежал на спине со спущенными штанами, расстегнув рубаху, а женщина, разбросав голые ноги, устроилась головой на его плече и гладила грудь Жиото, покрытую редкими короткими волосами. На плечах его осталась пара царапин – Хлоя в любви оказалась страстна, а еще криклива, так что пришлось зажимать ей рот.

– Мамаша у меня страх какая старуха вредная, – говорила она. – Сама, как моложе была, так со всеми дворовыми... Теперь старая, никто на нее не глядит, а на меня глядят, так она и сердится, злыдина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/novak_il-ya/magiya-v-krovi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)